

Момент перелома

Автор:

[Александр Маркова](#)

Момент перелома

Юлия Викторовна Маркова

Александр Борисович Михайловский

Третий том альт-исторической саги "Никто кроме нас". Уничтожении эскадры адмирала Того кажется мелочью по сравнению с планами, которые строят попаданцы из 21-го века. Эти люди желают толкнуть мир на иной путь развития, где не было бы постиндустриального капитализма и засилья всяческих "-измов", а Россия избежала бы катастроф двадцатого века и стала бы одной из двух сильнейших держав планеты. Действия пришельцев приводят к непредсказуемому результату, который ставит под вопрос существование династии Романовых. Характеры и души людей, оказавшихся непосредственными участниками этих событий, необратимо меняются в ходе этих событий.

Часть 9. Тяжело в учении, легко в бою

23 марта 1904 года, вечер, Великобритания. Старинная усадьба XVII века в окрестностях Дувра.

В гостиной этого старинного дома собрались три человека, обладающие практически всей полнотой официальной власти в Британской Империи – той самой, над которой никогда не заходит солнце. «Официальной» – потому что эти трое только исполняли волю своих реальных владык из Лондонского Сити. Обращающиеся там капиталы свергали с тронов королей и стирали с карты мира страны. Но сегодня что-то пошло не так. Биржу лихорадило; вот уже несколько дней с Дальнего Востока, из-под захолустного русского военного порта Порт-

Артур приходили новости, которые сначала ввергли трейдеров в уныние, а потом и в панику. Курс японских бондов стремительно летел вниз. Пошатнулась капитализация крупнейших лондонских банков, выдавших японскому правительству большие кредиты. Теперь три респектабельных джентльмена собрались, чтобы обсудить, что правительство Его Величества должно сделать в сложившейся ситуации. Вот их имена: Премьер министр Артур Джеймс Бальфур, Министр иностранных дел Генри Чарльз Кит Пелли-Фицморис, Первый Лорд адмиралтейства Уильям Уолдгрейв, граф Селбурн.

– Джентльмены, вы все в курсе событий, происходящих на Дальнем Востоке... Новости оттуда вызывают недоумение и шок. Что можете сказать вы, сэр Генри? Насколько серьезно положение наших японских союзников?

– Очень серьезно, сэр Артур. Последние сведения о действиях русских крейсеров на морских коммуникациях позволяют предположить, что Япония фактически находится под угрозой полной морской блокады.

– А вы что скажете, сэр Уильям?

– Положение Японской Империи почти безнадежно, сэр Артур. Русские каким-то необъяснимым образом полностью уничтожили 1-й эскадру вице-адмирала Того. Конечно, остаются надежды на 2-ю эскадру вице-адмирала Камимурэ, но она в разы слабее уже уничтоженного отряда, и теперь русским крейсерам осталось только выйти из своих баз и приступить к разбою на морских коммуникациях. Один их крейсер некоторое время назад уже проделал это с ужасающим эффектом.

– Вы сказали, он разбойничал, сэр Уильям? Сэр Генри сможет предъявить какие-нибудь претензии Петербургу?

– Никаких претензий, сэр Артур, все в рамках Морского Права. В случае войны Royal Navy будет действовать точно так же, если не жестче. Для полноценной блокады им не хватает только операционной базы для крейсеров вблизи морских путей, к примеру, архипелаг Бонин. Уверен, он будет захвачен русскими в ближайшее время. Тогда положение Японской империи действительно станет безнадежным, а пока оно просто тяжелое.

– А вы оптимист, сэр Уильям. Положение таково, что правительство Микадо колеблется, ходят слухи о мирных переговорах.

– А что русские, сэр Генри?

– Официальной реакции нет, сэр Артур, да и пока никто ничего официально не предлагал. Но русские газеты пишут, что от микадо надо требовать исключительно капитуляции, некоторые даже добавляют слово «безоговорочной».

– Ну и что, пойдет император Мацухито на безоговорочную капитуляцию, сэр Генри?

– Пока, думаю, нет, сэр Артур, положение не настолько отчаянное. В японской прессе началась пропагандистская компания под лозунгом: «разобьёмся вдребезги подобно куску яшмы». Своими действиями русские отрезают всякую возможность заключения мира с Японией. Взять хотя бы этот шум, который русские подняли в прессе по поводу зверств японской военщины над мирным корейским населением. Наш человек при штабе Стесселя сообщил, что фото с этих островов Элиот разосланы по почте во все крупнейшие периодические издания Европы и Америки, за исключением британских. Это такой удар по самурайскому гонору и японской политической репутации! Я слышал, в Берлине добрые, сентиментальные немецкие фрау уже плюются при слове «японец». Немецкая пресса уж очень легко подхватила этот скандал – ибо, что пачкает нашего союзника, то пачкает и нас. Нам припоминают лагеря для гражданских буров в Трансваале и ехидно спрашивают, кто у кого учился – японцы у нас или мы у японцев.

– Ну это же совпадает с нашими желаниями, сэр Генри? Теперь Япония будет держаться на ринге, пока стоит на ногах.

– Боюсь, сэр Артур, что это совпадает и с желаниями того, кто дирижирует этим спектаклем. Очень опасный враг – жесткий, не признающий ограничений и нетрадиционно мыслящий. Русские собрали специальную следственную комиссию, такого еще никогда не было. Они даже пригласили в нее представителей держав-гарантов суверенитета Кореи, конечно, за исключением Японии. Наш вице-адмирал сэр Джерард Ноэл отказался участвовать в этой комиссии, хотя французы и немцы прислали по офицеру в чине не меньшем, чем

командер. Боюсь, что тот, кто ведет эту игру, намерен не победить «по очкам», и даже не нокаутировать нашего боксера, а просто забить его до смерти на ринге.

– Сэр Генри, это может быть адмирал Макаров или кто-то из его окружения?

– Мы тщательно проанализировали досье и самого Макарова, и его людей из его штаба. Наши аналитики утверждают, что, исходя из имеющегося «модус операнди», никто из них не может быть этим «таинственным незнакомцем». Такие демонстративные действия скорее наводят на мысль об американской школе публичной политики.

– Я вас понял, сэр Генри, а что скажете вы, сэр Ульям?

– Сэр Артур, мои люди в Порт-Артуре доносят о прорыве из Америки каких-то построенных там по русскому заказу чудо-крейсеров. У них даже нет официального названия, только трехзначные номера. Они очень быстрые, практически как миноносцы, имеют мощное минное вооружение и дальнобойную, точную артиллерию. К сожалению, у нашей разведки нет источников, лично побывавших на этих крейсерах, доступ туда строго ограничен. Тем более что и базируются они не в гавани Порт-Артура, а на бывшей японской маневровой базе на островах Элиота. Наши наблюдатели в японском флоте говорят, что японцы прозвали их «Морскими Демонами». Среди них стало ходить поверье, что тот, кто их увидел, в свою базу уже никогда не вернется.

– Вы говорите, острова Элиота? Так этот чудо-крейсер и эпицентр скандала со «зверствами» совпадают. Тут Америка и там Америка – джентльмены, уж не решили ли наши кузены поиграть в свою игру? Это верх политического лицемерия, джентльмены. Если янки будет выгодно, они истребят всех корейцев до единого, как уже истребили своих индейцев. За Тедди Рузвельта в политическом плане я уверен, но не действует ли там политическая или финансовая группа, находящаяся к нему в оппозиции? Или просто очень крупный частный интерес? Сэр Генри, проверьте эту информацию по своим каналам. А вы, сэр Уильям, дайте задание своим людям выяснить, на какой американской верфи были построены эти чудо-крейсера.

– Сэр Артур, не стоит умножать сущности, скорее всего американский промышленник или промышленники, построившие эти корабли, и есть тот самый частный интерес, о котором говорил сэр Генри. Корабли с двигателями, к примеру, господина Дизеля – идея революционная и думаю, что американский флот, от нее отказался. А уж нашему Адмиралтейству, признаю, предлагать такое со стороны американского промышленника будет чистым безумием. А русские в последнее время строили и не таких уродцев, чего только стоят круглые броненосцы адмирала Попова, или крейсера серии «Рюрик»...

– Сэр Артур, я согласен с сэром Уильямом, эту версию надо принимать как рабочую.

– Теперь вот, что, джентльмены, необходимо сделать все, чтобы Япония держалась на ринге. В какой срок наша сингапурская эскадра сможет выйти в Вэйхавей, сэр Уильям?

– Не меньше месяца на подготовку, сэр Артур, и почти столько же в пути. Экономический ход броненосцев не превышает восьми узлов. Русские блокадные дозоры, конечно же, пропустят наши корабли – и что дальше?

– А дальше... дальше будет видно, что делать! В конце концов, флот оказывает влияние на политику самим своим присутствием! Также изыщите, какие корабли мы можем сейчас продать японскому флоту. Япония потеряла не только корабли, но и обученных моряков, так что придется озаботиться наймом волонтеров из отставных офицеров и матросов королевского флота. Опять же за счет Микадо. Запомните, джентльмены – если Япония ляжет на ринге, то мы все банкроты. Надеюсь, вам все ясно? И выясните, что там, черт возьми, произошло у Порт-Артура? Если выяснится, что во всем виновны эти американские чудо-крейсера, а не азиатская косорукость японцев, то приложите все усилия по их нейтрализации или захвату. Если они не достанутся Королевскому Флоту, они должно быть уничтожены. В средствах я вас не ограничиваю.

* * *

24 марта 1904 года 09:35 по местному времени. острова Эллиота, БДК «Николай Вилков»

Доктор технических наук Лисовая Алла Викторовна, 42 года.

Итак, к нам подселили трех женщин. Мы, конечно, поначалу старались не смущать их, не разглядывать слишком откровенно и не расспрашивать слишком активно – пусть освоятся. Они робели. Вид у них был крайне ошарашенный, глаза круглые, и, как бы они ни старались вести себя с чопорным достоинством, получалось это у них не очень хорошо, потому что все их здесь приводило в изумление. В свою очередь, мы тоже глазели на них с любопытством. Как-никак, это первые хроноабригенки примерно одного с нами социального положения, из образованного сословия.

Но в целом женщины славные. Старшей из них, Марии Петровне Желтовой, на вид лет тридцать восемь, и выглядит она значительно старше своих лет. В эти времена старятся быстро. Остальные две порт-артурские учительницы помоложе, что-то чуть больше двадцати.

У первой из двух помощниц Марии Петровны живые любопытные карие глаза, задорный румянец и смешные колечки каштановых волос, выбившиеся из-под шляпки и обрамляющие круглое лицо, словно трепещущий ореол. Ее зовут Леля, то есть Елена. В ее облике еще сохранилось что-то детское, порывистое, что, конечно же, поможет ей раньше других освоиться со своим положением и принять необычную действительность. Вторая учительница, которую зовут Олей, оказалась часто впадающей в задумчивость маленькой худенькой блондинкой с мечтательными голубыми глазами, как у куклы Барби. Так и хочется обнять ее за плечи и сказать: «Не грусти, Оля-Олечка, все у тебя будет хорошо!».

Но все равно многое в нас местных образованных дам шокирует, и это не только наша одежда из двадцать первого века. Но об этом позже. И мы, кстати, тоже оказались в шоке от этих учительниц. Надо видеть, как они едят! Сидят прямо, словно проглотили по палке, пальчики отставляют, жуют с важным и сосредоточенным видом. Как они сокрушались, что к столовым приборам не подадут ножа! Они были просто в шоке, долго переглядывались между собой и вздыхали, однако в первый раз не смели выразить в открытую свое мнение. На их лицах ясно читалось лишь сожаление, что у нас не в почете правила этикета, и явно они про себя сокрушались, что там, откуда мы явились, царствуют столь варварские обычаи. Нам же было смешно, но мы сдерживались. Это они еще не знают, как «у нас» одеваются... Сейчас еще прохладно, поэтому у нас довольно закрытая одежда, хотя наверняка и она повергает их в замешательство. На мне обычно надеты джинсы с каким-нибудь ярким свитерком, Лейла, которая с

момента нашего провала в тысяча девятьсот четвертый год начала регулярно мыться и причесываться, предпочитает сарафаны с водолазками, Катюша же носит исключительно брючные костюмы (у нее их много, всех оттенков серого). Наша Зюзя, с короткими волосами и массивными очками, за которыми не видно лица, в глазах этих учительниц вообще слегка смахивает на мужчинку, и те то и дело на нее косятся. Надо же – Катя всегда была самым незаметным членом нашей команды, а у них она своим обликом вызывает повышенный интерес...

Кстати, необходимо как можно скорей переодеть этих учительниц во что-то более приемлемое для наших условий. В этих ужасных юбках до полу, должно быть, крайне неудобно перемещаться по кораблю, да и на нашем фоне они в своих нарядах выглядят довольно нелепо. По крайней мере, для нас. Ну, думаю, у нас найдется что-то из одежды, что можно им одолжить. Мария Петровна, например, одной со мной комплекции, только чуть ниже – на ней здорово будет смотреться моя бордовая юбка-карандаш... Девчонок – в джинсы, однозначно. Ну, это так, для повседневной носки среди «своих», а на работу им придется, наверное, выходить в своем, допотопном. Иначе местным будет не до учебы – станут на попки пялиться, ведь все их ученики – это взрослые мужики, матросы и солдаты, давно не видевшие русских женщин... Кореянки в японских матросках, которыми здесь все кишит, не в счет.

Вообще пообщаться с этими дамами было довольно интересно. Оказалось, что они относят себя к прогрессивным людям своего времени – ведь они добровольно отправились в это захолустье, в Порт-Артур, чтобы нести здешнему населению благо народного просвещения. Собственно, не было в них ничего такого, что вошло бы в принципиальное противоречие с мировоззрением образованных людей двадцать первого века. Я думаю, что месяца два-три вращения в нашем кругу – и они станут почти такими же, как мы...

Робко они начинают задавать вопросы. Конечно же, больше всего их интересует, кто мы и откуда. Мы отвечаем прозрачными намеками, видя, как снова расширяются от недоверчивого удивления их глаза. Но видно по этим женщинам, что они считают большой удачей такой поворот судьбы, который забросил их к нам. Видать, были наслышаны...

Кстати, когда они узнали, что обе моих «девочки» закончили технические университеты, затем аспирантуру и защитили кандидатские диссертации, а я сама аж целый доктор технических наук, как Мария Скаладовская-Кюри, то просто потеряли дар речи. Но это еще ничего. Вот когда Мария Петровна

увидела нашу Дарью Спиридонову в камуфляже, с боевыми орденами и при пистолете на боку, и то, как перед ней в струнку тянутся господа саперные офицеры, выслушивающие начальственные указания госпожи коменданта, то от изумления, бедняжка, только воздух ртом хватала и част моргала. Как сказал Пал Палыч Одинцов, последний документированный случай чего-то подобного для людей этого периода – это кавалерист-девица Дурова, тысяча восемьсот двенадцатый год.

И весь этот футуршок в те времена, когда для образованной женщины должность учительницы или там делопроизводительницы есть верх эмансипации и предел мечтаний для дамы с образованием. Но ничего, побудут дамы с нами, еще пооботрутся. Все трое – бабы неглупые, и потенциал есть. Это сначала они в осадок выпали, а потом их словно прорвало. Посыпались расспросы. И как-то незаметно им удалось разговорить нас настолько, что даже флегматичная Катя увлеченно рассказывала о временах своего студенчества, и от ее рассказов мы впятером так хохотали, что кто-то, проходящий мимо нашей каюты, постучал в дверь и спросил: «Девчонки, у вас все в порядке?» Кстати, и Даша теперь их уже не пугает – хоть это и крайний случай эмансипации, но Оля с Лелей тянутся к ней, будто бабочки на огонек свечи. Она для них – защитница и отчасти пример для подражания, а ее к любви к Одинцову – это же тема для модного в эти времена душещипательного дамского романа... И счастливый конец тоже налицо.

Кстати, Лелин жених, поручик Стах Енджеевский, перевелся в бригаду к майору – ой, теперь подполковнику – Новикову. Прежнее начальство не разрешало поручику жениться на учительнице, так надо бы ей посоветовать обратиться с просьбой к Александру Владимировичу. Он-то учительниц прокаженными не считает, так что глядишь, сделаем двух хороших людей счастливыми, да еще на свадьбе погуляем.

Словом, мы поладили, и наше дальнейшее общение обещало много приятных минут...

* * *

24 марта 1904 года 13:45 по местному времени. острова Элиота, БДК «Николай Вилков».

Павел Павлович Одинцов.

Я снова перебрался в свою каюту на «Вилкове». Несмотря на это, днем Дашу я почти не вижу, она постоянно пропадает на берегу. Она умудрилась окрутить и очаровать даже порт-артурских учительок. Ну конечно, она для них образец для подражания, настоящий «товарищ», женщина-эмансипе. Два дня назад, наконец, прибыла саперная рота. Правда, поначалу вышел бурный скандал. Господа саперные офицеры никак не могли понять, чего от них хотят, такого они еще никогда не строили. А Дарья, рассудив, что строительной древесины у нас мало, а жженого кирпича почитай и совсем нет, решила ставить здания из деревянного каркаса, заполненного сырцовым кирпичом. Где она такое подсмотрела – Бог весть; сама говорит, что так строят в Средней Азии. И причем строит не просто дома, а какие-то квадратно-гнездовые конструкции с внутренними дворами. Вот эта-то «дикость» и возмутила господ офицеров. Ничего, Дарья обещает, что в летнюю жару из такого дома никого и палкой не выгонишь – и без кондиционера прохладно, а зимой тепло, сырцовый кирпич хороший теплоизолятор. Короче, скандалили они скандалили, а потом, после слов про «какую-то бабу» Дарья вызвала их на стрельбище и уделала всех до единого. В смысле – невинными жертвами заочной дуэли стали пустые бутылки, а не господа офицеры. Причем победа была достигнута с разгромным счетом. Ну сколько раз за год саперный офицер стреляет из своего нагана? А вот Дарья – это профи, а они бывшими не бывают, да и талант не пропьешь! Короче, среди местных офицеров Дарья получила прозвище «Брунгильда», теперь местные Дон Жуаны обходят ее с опаской, а господа саперные офицеры перестали спорить, а начали командовать своими подчиненными. И вот уже на берегу поднялись первые каркасы домов, и кое-где стены даже наполовину оделись в сырцовый кирпич. С электростанцией сложнее. Дизель-генераторы от «Тумана», которые должны стать ее сердцем, надо еще вытащить из трюма «Вилкова», отвезти до берега, там перетащить туда, где будет станция, установить на фундаменты, а уже потом построить вокруг них здания. Как только саперы закончат с каркасами первых домов, они начнут ладить плот, который вроде бы должен выдержать вес одного дизель-генератора. Очень жаль, что жидкое топливо еще не стало массовым явлением, а то пустые бочки из-под горючего здорово помогают в таких случаях.

Над морем глухо громыхают раскатистые залпы; сегодня сводная учебная группа кораблей в составе трех броненосцев, «Баяна» и «Дианы», отрабатывает учебную задачу «подавление береговых батарей противника», в качестве мишеней выступают недостроенные японские сооружения на острове Хас-Ян-Дао. У двенадцатидюймовых орудий даже практические болванки будь здоров,

так что скоро они эти капониры добьют окончательно. Адмирал Макаров ввел в учебном отряде своеобразное «соцсоревнование», винную порцию получает только команда того корабля, который отстрелялся за этот день наилучшим способом или выполнил норматив. А ведь очень нелегко обеспечить десять процентов попаданий на дистанции в тридцать пять кабельтовых и примитивным прицельным оборудованием. Но учения идут уже неделю, и у комендоров главного калибра броненосцев уже что-то начало получаться. Но вот что касается самого многочисленного среднего калибра, то тут дела хуже. Нет, артиллеристы и тут показали прогресс, только вот фугасное действие старых снарядов, снаряженных тремя килограммами черного пороха, оказалось откровенно убогим. Я помнил, что что-то такое мне уже попадалось на глаза; искал и нашел – оказывается, в нашей истории в первую мировую войну из-за отсутствия в русской армии крупнокалиберных орудий современных образцов уже пытались применять шестидюймовки Кане на сухопутном фронте. И столкнулись с тем же самым – крайне слабым фугасным действием. Выход только один – переснарядить снаряды на тротил, а еще лучше на «морскую смесь». Наместник Алексеев сообщил нам, что в Германию, где могут произвести компоненты «морской смеси», уже направлен заказ и «вопрос решается». А вот сколько кругов сделает по инстанциям его бумага, пока что-то решится, и не осядет ли она в одной из пыльных папок, не знает никто. Вся надежда только на товарищей Иванова, Степанова, Мартынова и Эбергарда – что после их приезда в Питер там все забегают как укушенные.

Постучался Вадим, отвлекая от размышлений.

– Павел Павлович, из Артура пришел «Страшный». Вот передали поступившую телеграмму «до востребования».

Разрываю плотный конверт. Читаю. Пункт отправления Иркутск, текст: «Дядя Саша выехал в гости вместе с племянником Мишей и племянницей Олей. Будет у вас примерно двадцать восьмого. У нас все хорошо, встреча прошла удачно, весь товар продали. Иван.»

Дядя Саша, дядя Саша... я крутил в руках бланк телеграммы. Черт! Александр Михайлович – Великий Князь по должности, Сандро по семейному прозвищу. Через несколько лет станет шефом всей российской авиации и, кажется, автобронетанковых сил. А племянник Миша и племянница Оля – это значит Михаил Романов, в нашей истории неудавшийся царь. Значит, на ловца и зверь бежит, причем очень быстро. Исходя из наших планов, тридцатого в Порт-Артуре

не будет НИКОГО из больших начальников.... И Макаров и Алексеев, начиная аж с семнадцатого числа, проводят маневры с боевой стрельбой у островов Элиота, то есть у нас. То, что из-за господина Коковцева не было сделано до войны, надо срочно делать по ее ходу. Что же, каждому времени – свой Кудрин или Силуанов, цирроз ему в печенку. Благо товарищ Карпенко оперативную паузу им обеспечил, можно и поупражняться. Но придется им на один день прервать сие увлекательное занятие и вернуться в Порт-Артур, заодно и Пасху отпразднуют. Да и группа «Трибуца» к этому моменту должна подойти из рейда. Надеюсь, что все пройдет тип-топ.

Но раз Иванов пишет, что «весь товар продан», значит, он этих Романовых исчислил, взвесил и признал годными. И соответственно выложил им тот пакет информации, что предназначен для «лиц, заслуживающих полного доверия», и Их Императорские Высочества приедут уже загруженными и заряженными. Так что все равно получается, что иметь дело с ними придется мне, ибо оба адмирала – и Макаров и Алексеев – будут им совершенно неинтересны. ВКАМ, наверное, прилипнет к «Трибуце», ну так Карпенко и карты в руки. Кроме того, мою постоянную связь с Карпенко никто не отменял, и здесь, на островах, мне остается Новиков. Можно ожидать, что Михаилу морские дела будут скучны, и он обоснуется здесь... А что, сделать из кавалериста морского пехотинца – это тоже достойная задача для товарища Новикова. Это я Его Императорское Высочество Возможного Наследника Престола имею в виду. А там наши кого хочешь совратят. Великая Княгиня Ольга... Надо бы почитать про нее, а то на нее я как-то и не рассчитывал. В крайнем случае свалю это дело на Дарью, ей не впервой. А ВКАМ, кажется, был шефом всей русской авиации.... Вертолеты есть и на «Трибуце», и на «Быстром», так что знакомство с авиацией Александру Михайловичу обеспечено. В дальнейшем, в ознакомительных же целях, желательно построить легкомоторный самолет; когда рылся в картотеке, выдел там такого любителя – кажется, это кто-то из офицеров «Бутомы». Надо будет поговорить на досуге. И авиацией тоже придется заняться, но чуть потом, а сейчас меня беспокоит несколько иное.

Могут ли наши внезапные победы сорвать с катушек англичан? Затягивать войну на радость банкирам и военно-промышленным комплексам разных стран я совершенно не хочу. И образчик для меня в этом смысле – «пятидневная война». Когда просто никто не смог прийти на помощь несчастному галстукоеду. Вот и сейчас все надо будет сделать так быстро, чтобы британские лорды просто не успели прийти на помощь императору Японии. Хрен ему на лысый череп, а не помощь; сам заварил кашу, сам пусть и хлебает до конца. Хотя уровень подготовки, что называется, российских армии и флота – ниже всякого плинтуса,

но боевой дух высок, что очень хорошо. Именно об этом мне и придется говорить с эмиссарами императора Всероссийского. Что же такое ему Макаров с Алексеевым доложили, что он погнал к нам своего друга детства вместе с младшим братом? Или сам бум-с от потопления эскадры Того был таким громким, что сумел докатиться и до Санкт-Петербурга? А вот Карпенко надо обязательно предупредить о визите ВКАМА. Поскольку «Трибуц» записан как вспомогательный крейсер, а ВКАМ командует всеми вспомогательными крейсерами в Российской Империи, то он и является прямым и непосредственным служебным начальником Карпенко. Надо будет связаться с «Трибуцем» и обсудить вопрос с Карпенко.

* * *

Полчаса спустя

Радиопереговоры между БПК «Адмирал Трибуц» и БДК «Николай Вилков»

«Вилков»:

– Добрый день, Сергей Сергеевич! Жму протянутую руку. Ну что, готов к Новым подвигам? Как ваш рейд? Как «Аскольд» с «Новиком»?

«Трибуц»:

– Рейд нормально, втроем транспортов наловили, целых двенадцать штук. Этот Рейценштейн жадный, будто не немец, а настоящий хохляцкий куркуль. Ничего не разрешил ни утопить, ни отпустить – все в дом. Так что сегодня вечером уже ляжем на курс к Артуру. Передай привет Новикову. Для него подарок. Одна посудина оказалась почти полностью груженой форменным сукном, крашеным в цвет британского хаки. А это почти наш цвет. Ну и другие приятные мелочи тоже есть. А как у вас?

«Вилков»:

– А у нас здесь новые заботы. Иванов телеграмму из Иркутска прислал – дядя Саша едет в гости, причем вместе с племянником Мишей и племянницей Олей.

«Трибуц»:

– Какой-токой дядя Саша?! И какой-токой племянник с племянницей? А? – и после нескольких секунд паузы: – Ой, е! ВКАМ?!

«Вилков»:

– Вот именно! Великий Князь Александр Михайлович, по прозвищу ВКАМ, он же Сандро, а также наследник престола Великий Князь Михаил и самая младшая в их семействе Великая Княгиня Ольга собираются нанести нам внезапный визит. Правда, на полпути они нос к носу столкнулись с Ивановым – и слово «внезапный», пожалуй, надо брать в кавычки, теперь это просто визит. Из сообщения Иванова следует, что едут они однозначно по нашу душу. Более того, он признал их годными и вступил в контакт по варианту «А».

«Трибуц»:

– Значит, они знают все?!

«Вилков»:

– Предполагаю, что да. Да, и еще, ВКАМ скорее всего будет работать с тобой, ему как моряку и карты в руки. Михаила попробуем сплавить к Новикову, а шефство над Ольгой я поручу Дарье.

«Трибуц»:

– На всякий случай подготовлю адмиральскую каюту, или ты думаешь, что он уйдет в рейд на «Быстром»?

«Вилков»:

– Это вряд ли. «Быстрый» уйдет в море двадцать девятого, сразу после Пасхи, а ВКАМ захочет сначала осмотреться на островах, чтобы составить о нас свое мнение.

«Трибуц»:

– Ну и что нам это дает?

«Вилков»:

– Если Иванов не ошибся и мы сами не лопухнемся – то окончательную легализацию, причем на самом высоком уровне. Да и появится возможность навести порядок на сухопутном фронте. Что ни говори про Наместника Алексеева, но администратор он неплохой, а вот полководец никудышный. Давно пора выводить войска в район реки Ялу и начинать строить укрепрайон, но штаб Наместника погряз в бесплодных спорах.

«Трибуц»:

– И ты думаешь, Михаил? Сейчас он всего лишь поручик лейб-кирасирского полка, а по жизни выше комдива не поднялся.

«Вилков»:

– В тот раз не поднялся, так в этот поднимется. И кроме того, он все-таки второе лицо Империи, и едут они, я надеюсь, с соответствующими полномочиями, а не из личного любопытства. Вообще-то Николай Второй склонен к мистике, и неизвестно, что он себе нафантазировал после того, что ты сделал с Того. Последний раз так Нахимов турок при Синопе приласкал, но не двумя кораблями против двенадцати. А если еще и Иванов в Питере свою миссию на отлично выполнит, то будет вообще замечательно.

«Трибуц»:

– Ну, дай-то Бог, Павел Павлович, дай-то Бог. А мы со своей стороны постараемся не плошать. ВКАМа, если что, на борт приму и в море с ним схожу – ради, так сказать, мастер-класса. А уж сухопутный фронт и все остальное – это уже ваши с Новиковым дела, я тут не понимаю и стараюсь не касаться.

«Вилков»:

– Это нормально. Окончательно поставим точку в этом деле в конце мая. Ну, ты знаешь, тогда у нас и все броненосцы из ремонта выйдут, и их команды полный

курс боевой учебы пройдут, а уж что касается новиковской бригады морской пехоты, так это и есть наше секретное ноу-хау. И тогда – да, будет японцам земля пухом... Главное в этом деле – не торопиться.

«Трибуц»:

– Аминь! Вернусь – поговорим подробнее! Да, следите за телеграфом! Я тут нашим японским и прочим заклятым друзьям, в кавычках, сюрприз сделал.

«Вилков»:

– Что за сюрприз?

«Трибуц»:

– В ночь с девятнадцатого на двадцатое послал вертолеты заминировать внешний рейд Сасебо донными минами. Это на тот случай, если Камимура вдруг сумеет сбежать от Цусимы или англичане решат посетить главную базу своего японского союзника. Но пока тишина, никто никуда не идет.

«Вилков»:

– И что дальше?

«Трибуц»:

– Ну, то, что кого-то не минует чаша сия, это точно, и если это не будет сбежавший от «Кузбасса» Камимура, то самая вероятная жертва это заглянувшие с визитом англичане. Вечная им слава и такая же память.

«Вилков»:

– Хорошо, последим за новостями. Внимательно. В любом случае будет печаль американскому банкиру мистеру Шиффу, который и дал японцам в долг, чтобы они смогли закупить себе дорогих игрушек для войны с Россией.

«Трибуц»:

– Да нехай его хоть кондратий хватит, только дышать легче будет. Все, Палыч, конец связи, кажется, у нас очередной клиент.

«Вилков»:

– Конец связи, и ни пуха!

«Трибуц»:

– К черту!

* * *

24 марта 1904 года 15:05 по местному времени. Восточно-Китайское Море, 30 гр. СШ, 125 гр. ВД.

Пятые сутки три корабля под андреевскими флагами бороздят Восточно-Китайское море, останавливая и досматривая торговые корабли. И вот какая незадача – почти все они идут под британским торговым флагом, и уж точно все везут Японской империи все необходимое для войны с русскими варварами. Как-никак, британский торговый флот – самый многочисленный в мире, и по количеству единиц и по дейдвейт-тоннам. Не сравнить ни с чем шок, который испытывают британские шкиперы, когда к ним на палубу поднимаются возглавляемые офицером русские матросы. Короткое разбирательство, проверка документов, досмотр содержимого трюмов – и вот уже команде предложено или спуститься в шлюпки, или в тихий и уютный трюм, где они и пробудут до прибытия в любой российский порт. Не было ни одного торгового судна, которое нельзя было бы обвинить в перевозке военной контрабанды. Когда-то эти законы писались под диктовку лордов британского адмиралтейства, которые думали, что это им и их союзникам на веки вечные суждено останавливать и проверять; но нет, роли переменялись – и вот уже британская торговля страдает от слишком суровых законов.

Но что это?! Через воды, опасные сейчас для всех кораблей, не несущих на флагштоках ни доброфлотовского триколора, ни андреевского стяга,

неторопливо, двенадцатиузловым ходом, пробирается пароход под торговым британским флагом. На его борту – игривое название «Веселая Марго». В его трюмах образцы новейшего военного снаряжения, которое необходимо испытать на войне против Российской империи, а в каютах около двух сотен британских волонтеров, что плывут на войну с русскими варварами. О, как тяжело жить, когда с Россией никто не воюет! Настоящий крик души истинного либерала и джентльмена. А ведь на борту, кроме джентльменов, есть еще и два десятка леди, достойных последовательниц Флоренс Найтингейл и Мери Сикол. Они тоже гордые, тоже готовы в огонь и под пули, чтобы доказать, что Британия достойна править миром.

Но не срослось. На этот раз небеса не были благосклонны к британским затеям. Пока суровые викторианские джентльмены пытались флиртовать с чопорными и не менее викторианскими дамами, «Веселую Марго» ощупали невидимые пальцы поискового радара на вертолете с «Трибуца». Судно было измерено, взвешено и признано годным к захвату. А как же – водоизмещение около пяти тысяч тонн и двенадцать узлов скорости. И теперь каждый оборот винта приближал британский трамп к затаившемуся в засаде хищнику. Впередсмотрящие внимательно обводят взглядом горизонт – но не разглядеть им на морской глади лежащий в дрейфе покрытый маскировочной раскраской корабль, да еще и с острых носовых углов. Вот до «Веселой Маргариты» остается миль пять – и «Трибуц» дает ход, вздымая под форштевнем белопенный бурун. Морской тигр прыгнул, и теперь британской козе осталось только блеять в ужасе.

Джонни, Джонни, вот ты и нарвался на собственную хитрость. Хотел быть умнее всех, Джонни? Теперь плати по счетам, Джонни, время пришло. Не вернешься ты в родной Саутгемптон, Джонни. Ты приплыл, Джонни!

* * *

Тогда же, и там же. БПК «Адмирал Трибуц».

Команда «средний ход» – и «Трибуц» двинулся навстречу неопознанному пароходу, с каждой секундой набирая скорость. Капитан первого ранга Карпенко опустил бинокль.

– Сергей Викторович, – он повернулся к командиру БЧ-4, – передайте на «Аскольд» Рейценштейну, что мы взяли еще один трамп. Сейчас он у нас на встречном курсе и государственного флага пока не видно, но судя по обводам корпуса, судно британской постройки. Андрей Николаевич, как всегда, будьте готовы дать один снаряд под нос, если клиент вдруг проявит неблагоразумное упрямство.

– Будет исполнено, – ответил командир БЧ-2, и через несколько секунд: – все, товарищ командир, цель на сопровождении...

– Будем посмотреть... – Карпенко снова поднял бинокль к глазам. – Ах, как банально!

В ответ на переданное сигнальщиком по международному коду требование лечь в дрейф и подготовиться к приему досмотровой партии, встречный пароход начал отворачивать вправо, показывая полощущийся за кормой Юнион Джек.

Карпенко сквозь зубы выматерился.

– Опять британец упрямый, медом им тут, что ли, намазано? Андрей, дай ему разок, поближе к корпусу – но только так, чтобы шкурку не поцарапать.

Перед самым носом парохода встал высокий столб воды от разрыва фугасного снаряда. Теперь британский шкипер знал, что его ждет, если он и дальше будет искушать судьбу. Британец выкинул флажный сигнал «Ложусь в дрейф», а через аварийные клапана с оглушительным ревом в небо ударил молочно-белый столб пара.

– Ну вот и все, недолго музыка играла... – Карпенко, прищурившись, посмотрел на недавнего сержанта, а теперь подпоручика Ухова. – Товарищ поручик, берите своих ухорезов, и обшарьте мне эту посудину от киля до клотика. Будьте добры, найдите, в чем тут секрет, ведь, судя по курсу, они шли не в Сасебо или в Нагасаки, а напрямую в Чемульпо.

В этом походе в распоряжении Карпенко было отделение морской пехоты из две тысячи семнадцатого года, развернутое во взвод за счет прикомандированных на обучение матросов с эскадренного броненосца «Севастополь». Эти русские парни прошли краткий испытательный тест и были признаны пригодными для

обучения «без отрыва от производства». На «Аскольде» и «Новике» тоже было по одному отделению инструкторов. На этих кораблях посмотреть на тренировки по рукопашному бою сходились все не находящиеся на вахте офицеры и свободные от работ матросы. Раньше подобное они могли видеть только в цирке, где на ковер выходили знаменитые бойцы. А здесь и сейчас чудеса проделывали обычные парни, на вид даже моложе большинства присутствующих. Ажиотаж привел к тому, что, например, на «Новике» то один, то другой мичман или молодой лейтенант выходили на общую тренировку. Некоторые не выдержали и бросили после пары занятий, но несколько особо упрямых офицеров упорно продолжали совершенствовать свое умение лишить жизни ближнего своего не только с помощью снарядов и самодвижущихся мин, но и с помощью голых рук и ног. Но на «Трибуце» дело обстояло немного не так, здесь пришельцы из двадцать первого века были дома, а местные уроженцы в гостях.

– Это ж удивительно, – говорил своим товарищам во время краткого перекура какой-нибудь матрос Василий Петров, – это ж что, нас здесь совсем за людей чтут? Почитай, мы тут неделю, а местные благородия и в морду никому не дали. А Леонид Петрович, тот вообще криком ни разу не кричит, а сначала все объяснит подробно, да еще картинку нарисует, чтоб понятней было...

– Ага, а кормят как! – подхватит его приятель, – а наказания, ну разве ж это наказания – отжаться. Ни тебе на шесть часов под винтовку, ни, опять же, по морде...

– Но, ты это кормежку зря вспомнил, – отзовется третий, попыхивая самокруткой. – у нас на «Севастополе» тоже недурно кормят; не так как тут, но недурно. Гнилья в котле, например, совершенно не бывает, не сравнить с некоторыми... Но все равно, когда ты не нижний чин, не быдло, а товарищ боец, так служить можно, ой как можно! Дайте мне микаду, паарву!

– Тревога, взвод, строиться в полном боевом! – доносится издалека крик дневального.

Это значит – все, цыгарки брошены в урны и все на выход. Только вот какое может быть полное боевое для матроса в тысяча девятьсот четвертом году? Ну, во-первых, винтовка Мосина со штыком – это раз. Два офицерских нагана с самовзводом – это два, пехотная лопатка в чехле – это три. Спасибо Леониду Петровичу – показал ее в деле; страшное оружие, а с виду и не подумаешь... И

еще, на сладкое – пробковый жилет и поверх него самодельная разгрузка, с обоймами к мосинке.

И вот уже с борта парохода послушно спущен трап, и к нему причаливает катер с «Трибуца», полный вооруженных людей. А на палубе парохода... На палубе – «кино и немцы», то есть викторианские джентльмены в своих мундирах цвета хаки и пробковых шлемах.

– Что-то многовато здесь этих ископаемых... – пробормотал про себя Ухов и нажал на тангенту, выходя на связь с «Трибуцем». – Товарищ капитан первого ранга, тут это, британское офицерье, в большом количестве. Вы бы это, стволы пушек на них навели, а то мне как то не по себе, уж больно их много и все при оружии...

– Вижу, Леонид! – и на британский пароход нацелилось все, включая реактивный бомбомет подбойного борта.

Ситуация сложилась взрывоопаснейшая – британцы превосходили морпехов числом раз в шесть-семь. Но на противоположной стороне мощь семи автоматов, двух РПК и одного «печенег». Оружие взведено, снято с предохранителя и нацелено на группу британцев. На открытой палубе они порубят лимонников вместе с их «смит-и-вессонами» в котлетный фарш. Стоит прозвучать хоть одному выстрелу – и начнется кровавая вакханалия.

– Господа, предлагаю бросить оружие, гарантирую вам жизнь, – на неплохом английском языке прогремел многократно усиленный электроникой голос Карпенко, – в случае же оказания сопротивления вы будете уничтожены.

Англичане даже чуть присели под раскатами этого громового голоса, который, казалось, доносился с самих небес. Джентльмены не вынесли пристальных взглядов странных солдат в пятнистой одежде, с размалеванными, как у аборигенов Америки, лицами. Наведенные прямо в лицо стволы неизвестного оружия тоже не добавляли британцам уверенности в себе. А уж удлиненные магазины подсказывали британским офицерам, что это оружие наподобие винтовки Мадсена – еще и многозарядное, и, скорее всего, автоматическое. А вот у этой штуки сбоку свисает кончик пулеметной ленты – так это пулемет, что ли, такой маленький? Что будет, если у того Ивана, что держит его в руках, не выдержат нервы и он надавит пальцем на спуск, перечеркивая очередью толпу

джентльменов от края и до края?

Вот на палубу брякнулся один револьвер, второй, третий... Обезоруженных британцев, наскоро обыскав, согнали к борту и оставили под охраной пулеметчика, пятерых матросов с «Севастополя» и прицелом скорострелок с «Трибуца», а в низы уже ринулись штурмовые группы. Несколько секунд спустя сухо треснул револьверный выстрел из «смит-и-вессона», в ответ грохнула двухпатронная очередь и выстрел из нагана. Отчаянно завизжала женщина, но потом крик внезапно оборвался. На этом попытка сопротивления была исчерпана. После обыска выяснилось, что в трюме парохода находилось с десяток пулеметов «Максим» новейшей модификации, сотня винтовок «Ли-Энфилда» со снайперскими прицелами и большое количество патронов британского образца. Также имелось восемь новых полевых трехфунтовых (в данном случае 76-мм) пушек с разнообразным набором боеприпасов. Согласно сопроводительным документам, все это вооружение направлялось в первую армию генерала Куроки для проведения испытаний в боевых условиях. А британские офицеры оказались волонтерами – то есть формально частными лицами, согласившимися добровольно принять участие в войне против России на стороне Японии. Рейценштейн, когда услышал о таком «подарке», молчал минут пять, потом спросил:

– Вы-то сами что думаете, Сергей Сергеевич?

– Пароход отпускать никак нельзя, Николай Карлович, – ответил Карпенко, – налицо самая наглая военная контрабанда. Да и другим будет пример нехороший.

– Пароход мы, конечно, арестуем, – после некоторого раздумья ответил Рейценштейн, – а что нам делать с британскими офицерами?

– А ничего, доставим их в Порт-Артур, и пусть решает его высокопревосходительство Наместник Алексеев. В конце концов, его именно для этого на должность и поставили, пусть думает. Все равно ничего страшного с ними не произойдет, в худшем случае их интернируют до конца войны, а в лучшем – просто вышлют обратно в Англию по железной дороге. Хотя я бы их, сукиных котов, покروшил бы у стенки из пулемета и не поморщился, они ведь наших русских солдат и офицеров собирались убивать. Воображали, наверное, чего-то, рыжие бестии, предвкушали...

– Экий вы злобный, Сергей Сергеевич, – вздохнул Рейценштейн, – ведь нельзя же так, это все же цивилизованная нация, европейцы.

– А вы, Николай Карлович, поинтересуйтесь, что эти цивилизованные делали с другими европейцами, с бурами, – огрызнулся Карпенко, – как женщин и детей насмерть в лагерях тысячами морили, чтоб вынудить их мужей и отцов сдаться. Только не поседейте раньше времени. Нет для англосаксов ни чести, ни совести, а только прибыль. И договор с вами они будут соблюдать, только пока это им выгодно – не то что мы, русские. Поэтому разговаривать с ними можно только глядя через прицел.

– Ладно, Сергей Сергеевич, – ответил Рейценштейн, – вы там заканчивайте, часа через три мы подойдем к вам с «Новиком» для высадки на эту «Веселую Марго» призовой команды. А потом давайте уж в Артур собираться, а то можем и к Пасхе опоздать.

– Не имею ничего против, Николай Карлович, – ответил Карпенко. – ожидаем вашего подхода.

* * *

24 марта 1904 года, после полудня. Поезд литер А, где-то на подъезде к Харбину

Великая Княгиня Ольга читала. Читала уже почти сутки. Читала днем, читала ночью, лишь время от времени забываясь тяжелым и коротким сном. Вот и сейчас, пока Ася расчесывала и укладывала ее волосы, она не отрывала глаз от экрана. Попытка перечитать все была, конечно, безумной, Ольга подсчитала, что теми книгами, что поместились на маленькой «флешке», можно было бы забить Зимний Дворец доверху. Тут нужны годы и годы. Первым делом она нашла и одним духом проглотила свои мемуары «Иен Воррес. Последняя Великая Княгиня». Прочитав, она плакала, плакала и молилась. Жизнь, ушедшая зря, как вода в песок. Ненужный и бессмысленный брак, поглотивший юность, поздняя любовь, совпавшая с потерей Родины, и жизнью на чужбине. Сыновья, выросшие настоящими датчанами и оставившие мать. Смерть на безвестном хуторе в канадской провинции и то место, которое ей было определено историей. Строчка в справочнике: Великая Княгиня Ольга. Младшая дочь Императора Всероссийского Александра III и датской принцессы Дагмары, в православии

Императрицы Марии Федоровны. Родилась 1 июня 1882 года, умерла 24 ноября 1960 года. Точка, все! Согрело душу теплом упоминание, что у ее гроба стояли гусары Ахтырского полка. Ее полка. Скорее всего, это были не те самые гусары, которые помнили ее, а их дети и внуки. Но это не меняет главного – преданности и чести. Но и эти преданность и честь были как пир на пепелище, они уже были не нужны Новой России, которая давно жила своей жизнью. Выплакавшись, Великая Княгиня взялась за дневники братца Ники, но минут через пятнадцать забросила это. Несчастный братец Ники, маленький человек с изнеженными руками, волею судьбы оказавшийся на престоле Великой Державы, которую требовалось суровой железной дланью вздымать на дыбы. Вдохнув, Ольга отложила планшет в сторону и задумалась. Российская Империя представилась ей огромным поездом, на всех парах несущимся мимо верстовых столбов прожитых лет. Как избежать крушения в роковом семнадцатом году? Ведь несмотря ни на что, Ники может повторить свои безумства, и тогда ужасный конец снова неизбежен, несмотря ни на какую помощь из будущего. Скорее всего, каперанг Иванов прав и еще есть время разрядить мины, заложенные под фундамент Империи. Но будет ли Ники этим заниматься? Она честно себе ответила, что, скорее всего, кое-как, и ничего не доведет до конца. А пришельцы из будущего? Их, вероятно, отодвинут в сторону, когда ситуация станет не такой острой, и потом грохнет пусть не в семнадцатом, а в двадцать восьмом или сороковом. Надо что-то делать иначе... Почему-то ей на ум пришли немецкие слова – «Аллес капут!» Но что можно сделать? Ведь проблема не только в Ники, проблема в еще нерожденном цесаревиче Алексее, которому Алиса Гессенская уже передала проклятье королевы Виктории. Это через ее дочерей эта чума королей поползла по царствующим домам. Не может быть наследником ребенок, готовый умереть от любой царапины. А братец Мишкин пусть пока и Наследник, но сам боится трона больше, чем огня. Скорее всего, он опять чего-нибудь начудит, только чтобы не попасть на этот крючок. Вопросы жгли ей язык. Ах, маман, маман, как мне нужен твой совет, ведь всего через три дня мы будем там, на Элиотах...

Все, Ася закончила с куаферией – и Ольга, поблагодарив свою горничную одобрительным кивком, решительно встала на ноги. «С Мишкиным говорить все равно бесполезно, может быть, Сандро что-то подскажет?» – подумала она, выходя из купе.

Но избежать встречи с братом ей не удалось. Когда она проходила мимо его купе, то услышала доносящиеся из-под двери взрывы, выстрелы, металлический лязг и шум схватки и крики умирающих. Врожденное женское любопытство заставило ее чуть сдвинуть незапертую дверь и заглянуть внутрь. Братец сидел

за столом, уставившись взглядом в лежащий перед ним «планшет», который и издавал все эти звуки. Вот грохнуло так, что заложило уши, и Ольга тихонько прикрыла дверь, пока Мишкин не заметил ее нескромного подглядывания.

В купе Великого Князя Александра Михайловича царила совсем другая атмосфера. Господа офицеры не читали романов, и даже собственные мемуары Великий Князь пробежал крайне бегло, лишь только для того, чтобы убедиться, что ему нечего стыдиться перед потомками. Сейчас они с Карлом Ивановичем с жадностью разбирали проекты британских, американских и германских кораблей первой половины двадцатого века.

– Дальше пятидесятого года и смотреть не будем, – заявил Великий Князь, – эти атомные корабли для нас сейчас в любом случае перебор.

– Атомный у них только котел-с! – блеснул эрудицией Лендстрем. – А машины у них обыкновенные, турбины-с.

– Тем лучше! – согласился Великий Князь. – Но, Карл Иванович, вот ты это откуда знаешь?

– Пока вы спали, почитал-с немного, – Лендстрем замялся, – только вот, Александр Михайлович, беда у нас во флоте. Все наши корабли строятся с угольными топками и машинами тройного расширения, но это, как оказалось, вчерашний день. У британцев почти готов проект турбинного линейного сверхброненосца с пятью башнями главного калибра и смешанным угольно-нефтяным отоплением. Да вы только посмотрите, мыслимо ли это сейчас – скорости броненосцев в двадцать три узла, скорость крейсеров в тридцать узлов. И это все только за счет турбин Парсонса и нефтяных котлов. А артиллерия! Вот наш, русский, проект – линкор Севастополь, это же целых ДВЕНАДЦАТЬ двенадцатидюймовых орудий, это как три обычных броненосца – целая эскадра.

Великий Князь бегло просмотрел предложенный материал.

– Карл Иванович, Карл Иванович, ведь суть не только в котлах и турбинах. Нужны ли нам эти дорогие игрушки в Балтике, да и в Черном море? Видишь же, что здесь написано – «Дредноутная гонка», безумное желание наклепать побольше таких сверхброненосцев. На ветер выброшены кучи золота – и каков

результат, кроме грозной видимости, я вас спрашиваю? А результат – пшик! Их топят аэропланы и субмарины, они подрываются на минах или после службы идут на слом, так и не сделав по врагу ни одного выстрела. Нет, тут надо думать, думать и думать! А насчет турбинных крейсеров я, возможно, с вами соглашусь. Скорости в тридцать и более узлов весьма завлекательны для этого класса кораблей, но, любезный Карл Иванович, надо представлять, против кого предназначены эти крейсера...

В этот момент в дверь купе постучали.

– Кто там? – недовольно отозвался Великий Князь Александр Михайлович, рассерженный, что его отрывают от серьезного разговора.

В приоткрывшуюся дверь просунулась кокетливо причесанная головка Великой Княгини Ольги.

– Сандро, можно к тебе?

– Входи, – отозвался тот, – правда, мы с господином Лендстремом заняты...

– Не уплывут никуда ваши броненосцы, – Ольга прикрыла за собой дверь. – Сандро, у меня к тебе серьезный разговор, можно сказать – семейный. – Она выразительно посмотрела на адъютанта Великого Князя. – Господин Лендстрем, будьте любезны оставить нас наедине для важного разговора.

Александр Михайлович со вздохом кивнул, и Карл Иванович, поклонившись венценосным особам, тихонько вышел из купе. В воздухе повисла неловкая тишина.

– Скажи мне, Сандро, – наконец заговорила Ольга, – ты думал о том что будет дальше? Ну, в смысле, после того, как мы выиграем с помощью наших друзей из будущего эту дурацкую войну с Японией. Ты же знаешь, что мы выиграли бы ее и так, если бы не глупости Ники и его окружения, особенно его окружения. Ты не верти головой, мы с тобой здесь и сейчас самые старшие из Романовых, которые знают одну очень важную тайну. Не рассчитывай на Мишкина, он у нас большой ребенок. Я заглянула сейчас в его купе – сидит и смотрит синема про какую-то войну. Ты подумай, что будет, когда пройдет первый страх от этих новостей – ведь Аликс, или кто еще, в любой момент будут способны внушить Ники какую-

нибудь глупость, и тогда вся история в буквальном смысле начнется сначала. А что делать с наследником империи? Цесаревич Алексей и в этот раз опять родится больным. Ведь Аликс уже носила его, когда пришли наши друзья из будущего и поменяли историю. У меня нет причин не верить им в том, что быть болезни или нет, определяется при зачатии. Русская рулетка из двух патронов – да или нет. Ведь тогда все повторится, и Ники с Аликс снова начнут сходить с ума. Снова Распутин и вся та же бессмысленная грязь в жалкой попытке отрицать очевидное. Сандро, и ты, и я прекрасно знаем Ники, лучше всяких пришельцев из будущего. Если мы хотим спасти Империю, Ники должен уйти, уйти в частную жизнь, красиво и аккуратно. Помнишь, что нам показал каперанг Иванов, как ушел их этот президент, как его... а, Ельцин... «Дорогие россияне...» – передразнила Ольга Ельцинский гнусавый голос.

– Ольга! – не выдержал Александр Михайлович, – да что ты говоришь, еще не один Император Всероссийский не отрекался от престола!

– Ты же прекрасно знаешь, что Ники сам этого хочет, даже безо всяких пришельцев из будущего! – отрезала Ольга. – Вспомни, что сказал Драгомиров – «Сидеть на троне – может, стоять во главе России – нет!», да он и сам это прекрасно понимает. Все упирается только в желание Аликс быть императрицей без приставки «экс» и в вопросе того, кому передавать власть. Если мы решим вопрос наследника, то и с Алисой как-нибудь справимся.

– Мишкин? – прищурился Александр Михайлович.

– Сандро, из Мишкина император, как из мена балерина, – усмехнулась Ольга, – хотя он и лишен большинства пороков Ники, но на троне сидеть не хочет категорически. Узнав о таких планах, он с перепугу женится сразу на всех разведенных актрисках Питера в тот же час, лишь бы не захомотали. Сандро, ты лучше сядь, вот так, молодец. Знаешь, только не надо на меня кричать, но я думала о Ксении в качестве Императрицы и тебя как Регента Империи – до тех пор, пока вашему старшему сыну Андрею не исполнится двадцать один год.

– Господи, Ольга, – простонал Александр Михайлович, – так это же целых четырнадцать лет! Я не смогу!

– Сможешь, Сандро, сможешь, – кивнула Ольга, – знаешь, сколько всего хорошего я о тебе прочла? Пусть от Ксении в государственных делах толку мало,

но мы с маман в чем-то тебе обязательно поможем. Да и Мишкин, Бог даст, после этой войны хоть слегка повзрослеет.

– А почему не одна из дочерей Ники? – продолжал отпираться Александр Михайлович.

– Сандро, они той же крови, что и Аликс, и могут нести в себе ту же ужасную болезнь, – возмущилась Ольга. – Ты что, хочешь перенести ту же самую историю лет на двадцать позже? И кроме того, сейчас даже самой старшей, Ольге, всего девять лет, и нет никакой уверенности, что она сможет родить здорового наследника. Ты же знаешь, как я их всех люблю – как своих собственных дочерей, но нет, нет и нет! Слишком это ненадежно.

– А если Ксения откажется? – продолжал сопротивляться Великий Князь, – она, ведь знаешь, всех этих государственных дел боится не меньше, чем Мишкин.

– Знаю, но Ксения сделает то, что ей скажет маман... а маман... маман, будь уверен, сделает те же выводы, что и я. Мы с ней и ладим-то не очень, потому что мыслим одинаково. Так что, дорогой Сандро, почитай, от тебя ничего и не зависит. А теперь я пойду, мон шер, можешь и дальше заниматься своими броненосцами, пока у тебя не появились другие, более важные дела.

* * *

24 марта 1904 года, через полчаса после разговора ВК Ольги и Сандро. Поезд литеры А, где-то на подъезде к Харбину

Ольга ушла, но Сандро продолжал сидеть в оцепенении. Вернулся господин Лендстрем, но Великий Князь только вяло махнул на него рукой.

– Иди, Карл Иванович, оставь меня, мне подумать надо...

Адъютант ушел, а в голове все крутилась только одна мысль: «Она права, она права... в любой момент Ники сможет словить очередной бзик – и все, конец. Можно выиграть десять войн, но споткнуться на дурацкой прихоти Алисы Гессенской. Кроме того, у Ники настоящий талант собирать вокруг себя мошенников и проходимцев, вроде тех же Безобразовых. Вот и мое имя

замарали с лесными концессиями на реке Ялу. А этот, который еще только будет, Гришка Распутин – судя по тому, что про него написали, будет стоять всех остальных фаворитов, вместе взятых. Правильно говорят, что если Господь хочет кого-то наказать, то лишает его разума. Но, Господи! Зачем, вместе с ним ты наказываешь всю Россию? Не виновна она ни в чем...»

Потом его мысли перескочили на другое. «Если не Ники и его дети, то кто же? Проклятая гессенская кровь отравила прямую линию. Дед сейчас, наверное, в гробу переворачивается. Господи! Подскажи! Научи! Последний раз такое на Руси было поболее ста лет назад, когда Павла Петровича – того – отставка через апоплексический удар табакеркой. Неужели и с Ники так же придется? Нет, я так не смогу, ведь он же мой друг! Господи, только бы Ники понял, что так будет лучше всем, в том числе и его семье. Должен же он хотя бы испугаться того ужаса, что ждет их впереди... Если он любит своих детей, пусть у него хватит мужества отречься, уйти с дороги истории. Неважно куда – в монахи, в отшельники, в патриархи, как ходили слухи в той истории. Ники, молю тебя, будь благоразумен, уйди сам. Но прежде чем он уйдет, должен быть избран преемник, чтоб не случилось нового стояния на Сенатской. Да и Февраль в той истории, как я понял, случился в том числе и потому, что Николай корону бросил, а Михаил не подобрал. Но на Михаила надежд нет; я видел, как со вздохом посмотрел на него Иванов, прощаясь. Видно, не все подробности нашей жизни донесла до потомков история, а от этой вот встречи иллюзии рассеялись. А вот на Ольгу что каперанг Иванов, что лейтенант Мартынов смотрели вполне определенно. Я не удивлюсь, если они ее уже мысленно короновали. Да, девочка, это явно не те люди, что останавливаются на полпути... Сложится все удачно – быть тебе императрицей Ольгой Первой, и я их в этом поддерживаю обеими руками. Только вот муж тогда тебе другой нужен будет; от этого, Ольденбургского, наследника не дождешься, одни только интриги... А что касается Ксении, то упаси нас Господи от Ксении-императрицы. Да, она хорошая жена и добрая мать, но это сейчас, когда ни она, ни я ничего не решаем и вокруг нашей семьи не вьются интриганы и лизоблюды. Да я взялся бы тащить этот крест, но совершенно очевидно вижу, как подобно мясным мухам над раной зажужжат, завьются дворцовые подхалимы, за долю скромную продвигая чьи-то частные интересы. И мне не уберечь ее от тлетворного влияния дворцовой клики, которая вмиг развратит ее душу. И тогда наш брак будет разрушен безвозвратно. А наши дети, ведь все это коснется и их... Нет, делать Ксению императрицей – очень плохая идея... а вот ты, моя милая Ольга, от этой ноши не отвертись. Но! Все это так нетрадиционно, так что тебе нужна такая лейб-компания, с которой никто не рискнул бы спорить. И сковать ее надо во время этой войны из офицеров-фронтовиков. Фронтовик – чужое, суровое слово,

которое я вычитал, в когда просматривал одну книгу о той войне, что наши гости из будущего называют Великой Отечественной. В нем символ братства, своего рода ложа – только не тайная, а открытая, потому что этим людям нечего скрывать, зато есть чем гордиться. Но никакая лейб-компания не получится без Гвардии. А та – в славном городе Санкт-Петербурге, и на войну не собирается. А это плохо, совсем плохо. Надо будет написать Ники, чтоб послал хотя бы по одному батальону от полка – получится сводная гвардейская бригада. И в столице будет кому порядок поддерживать, и в Маньчжурии господа гвардейцы в боях побывают и хоть чему-нибудь научатся. Пусть все видят, что Гвардия у нас не только для парадов.

Приняв это решение, Великий Князь встал. Пусть Мишкину и не бывать императором, но хоть чем-то он должен быть полезен; а он, понимаешь, вместо дела какие-то «синема» смотрит.

В купе Великого Князя Михаила было тихо. Никаким «синема» сейчас тут и не пахло, Их Императорское Высочество читали... Обернувшись на звуке приоткрывшейся двери, Михаил приветливо махнул рукой:

– Заходи, Сандро! Посмотри, что я нашел...

Александр Михайлович подошел и заглянул Михаилу через плечо.

– Кто это, Мишкин?

– Деникин Антон Иванович, в будущем генерал-лейтенант, монархист (что редкость) и патриот. Сейчас простой капитан, добровольцем поехал на войну. Находится неподалеку, в Маньчжурии. Вот каперанг Иванов говорил о тех, кто себя в будущем чем-то запятнал... а я подумал – может, поискать тех людей, которые, наоборот, были бы полезны и нам, Романовым, и России вообще. Вот еще – будущий противник генерала Деникина по Гражданской войне, рядовой двадцать восьмого казачьего полка, Буденный Семен Михайлович, полк сейчас тоже здесь, в Маньчжурии. Как-никак, командовал целой конной армией – значит, есть какой-то талант. Или вот еще – Карбышев Дмитрий Михайлович, ныне поручик, а в будущем генерал-лейтенант инженерных войск – правда, Красной Армии. Человек железной преданности, попал в плен к немцам во время второй войны и отказался им помогать. За это его обливали водой на морозе, пока не превратили в ледяной столб. Если этот человек будет верен, то не

предаст даже под страхом самой ужасной смерти, а ведь это сейчас такая редкость. Пока все, но я стараюсь...

«Ай да Мишкин, ай да молодец! – молча подумал Александр Михайлович. – А мне-то и в голову не пришло, что сегодняшние поручики и капитаны завтра станут генералами, и что приметить этих людей надо бы пораньше. А Мишкин взял и догадался; надо будет мне посмотреть по моей, по морской части, какие будущие гении ждут нас на эскадре в Артуре и от кого чего ждать. А теперь посмотрим, чего там так взволновало Ольгу...»

– Мишкин, а что это у тебя давеча так шумело? – стараясь не выдать Ольгу, издали начал разговор Александр Михайлович. – Пальба, взрывы, грохот какой-то...

– Так я тебе помешал? – смутился Михаил, – извини. Знаешь, Сандро, я вдруг захотел посмотреть на ту войну – не прочитать про нее, а посмотреть... И вот теперь я могу сказать, что, наверное, кое-что понял, рекомендую «Горячий снег». Сандро, представь, что целый корпус погибает в упорнейшей обороне. Само сражение – как тысячекратно увеличенная Шипка. И никто даже не помышляет об отступлении, все сражаются насмерть – и нижние чины, и офицеры. Нет, Сандро, ОНИ правы – если мы, не сломав своей России, сумеем вызвать из нашего народа эту силу и обуздать ее, как обуздал ее Сталин, то... я не знаю – наверное, Россия станет самой могущественной державой мира, а может даже, и единственной Державой. У меня просто нет слов, и кружится голова. Я думаю, что, наверное, после этой войны, наша армия должна будет измениться и очень сильно. Давай я еще немного подумаю, потом скажу тебе, или лучше сначала сам посмотрю на островах Элиота, что там за такая «морская пехота»... А сейчас позволь, я продолжу свои занятия...

– Да, Мишкин, конечно, – Александр Михайлович уже открывал дверь купе, когда вдруг решившийся Мишкин окликнул его.

– Сандро, я тут по примеру наших друзей из будущего решил быть с тобой предельно откровенным. Пожалуйста, только не надо пытаться посадить меня на место Ники – не мое это место, не мое. Я вам только все испорчу, все еще хуже будет. И поговори, пожалуйста, с маман, а то мне кажется, что это ее идея – видеть меня в короне. Я вам всем помогу чем могу, но только не на троне. Прости, если что...

– Не за что извиняться, Мишкин, – пожал плечами Александр Михайлович, – ты был честен со мной, а главное с собой. И, может быть, из-за этого теперь твоя жизнь сложится несколько удачнее, чем в прошлый раз. И с твоей маман я поговорю, и твою идею о будущих генералах обдумаю. Так что пока ищи их дальше. А я, с твоего позволения, все-таки пойду. Дела-с!

* * *

24 марта 1904 года 18:35 по местному времени. острова Эллиота, БДК «Николай Вилков»

Кандидат технических наук Позников Виктор Никонович, 31 год

Кажется, я понемногу прихожу в себя. Хм, интересное выражение – «прийти в себя». Значит, когда «выходишь из себя» – это как бы уже и не ты, то есть ведешь себя не так, как тебе свойственно (ну вот как получилось со мной, когда сдали нервы и я устроил этот безобразный цирк при всех). Но потом возвращаешься – и ты уже снова ты. Но вот у меня такое странное ощущение, что вроде я и вернулся «в себя», а я – уже не совсем я... Понимаю, звучит как бред шизофреника. Тем не менее, сейчас я здравомыслящ как никогда. И вот еще что немаловажно – у меня такое настроение, или состояние, будто вечное мое недовольство жизнью исчезло. И я сам себе дивлюсь – да с чего же оно исчезло? Где, где тот глас, что манил меня в Заокеанье и заставлял ненавидеть все, что меня окружало? Который, как мне казалось, и являлся моим главным стержнем, моей сутью – да без него я и не мыслил себя!

Пусто как-то теперь там, где жила эта суть; и кажется, будто свежие ветры вымели оттуда все, и лишь, может, по углам еще осталась свалывшаяся пыль, но и ее в конечном итоге ждет та же участь – быть развеянной по просторам мира... вот этого, нового мира. Что так повлияло на меня? Не знаю. Это что, получается, я что-то «осознал» – как любят выражаться педагоги, воспитывая нерадивых учеников? Получается, что так и есть. Но произошло это не так, как обычно раскаиваются у Божьего алтаря завзятые грешники, на которых снизошло некое озарение – рыдая и отрекаясь от себя прежних. Нет, от своих фундаментальных взглядов я не отрекался. Но вот отношение к России у меня и вправду поменялось. Я вдруг понял, что здесь и сейчас возможно изменить ее судьбу таким образом, что дальнейшая жизнь в ней станет весьма хороша... даже смею допустить, что не хуже, чем в Америке.

Конечно, некий скептический голос в моей голове нашептывал, что все бесполезно, что все в конце концов вернется к прежнему; но был этот голос слаб, тих и совсем не убедителен. Еще бы – ведь я сам раз за разом становился свидетелем того, с какой решимостью и воодушевлением крушат «наши» японцев... «Наши» – те, кто знают, к чему привело то поражение в НАШЕЙ истории... Все, пожалуй, идет к тому, что они учтут ошибки «своего» прошлого и не допустят их повторения. Ведь на самом деле можно, можно наладить здесь все таким образом, чтобы никогда не приходилось краснеть за свою страну... Было дело, и я в юности задумывался о возможных путях развития России, если бы исход у той войны был другой. Но вот мне выпал уникальный шанс своими глазами увидеть этот самый другой исход – и, черт побери, он мне понравился!

Впервые непривычной волной поднялась в душе моей гордость за «отечество»... слово это я всегда произносил с насмешливо-пренебрежительным выражением. Но сейчас я пытался привыкнуть, хотя бы мысленно, выговаривать его так, как это делали другие – Одинцов, Карпенко, майор Новиков, та же самая Дарья Спиридонова, секретарша Одинцова и его нынешняя ППЖ... А ведь они не только испытывали гордость за свое «отечество». Для того, чтобы испытать эту гордость, они еще и работали так, как не может никто другой. Представляю, что могло бы получиться у моих бывших соратников по так называемой «борьбе с режимом», задумай они сделать хоть что-то хорошее – наверняка ничего, кроме воровства, прикрытого множеством криков и бесполезной суеты.

И к этой гордости за свою страну я тоже пытался привыкнуть постепенно, потому что за свою родину обычно я испытывал только стыд... Нет, мне вовсе не приходилось себя ломать. Это происходило исподволь. Но приносило мне это только облегчение... Чудеса – моя обычная меланхоличность сменилась приподнятым состоянием духа. Стыдно сказать – я даже стал ловить себя на том, что мурлычу себе под нос бодрые марши! Я вообще не мог припомнить, когда в последний раз пребывал в таком приподнятом настроении. Впрочем, обстановка вокруг весьма тому способствовала. Все были какими-то оживленными, суетились, что-то делали – и это на фоне продолжающихся блистательных побед «наших». Мне, конечно же, то и дело приходилось сталкиваться с презрительными взглядами мужчин, но это меня не особо задевает. К счастью, мне не пришлось стать изгоем. Все три женщины из нашей научной группы охотно со мной общались. Они были милы, дружелюбны, открыты со мной и друг другом. И даже Зюзя, эта серая мышка, стала намного разговорчивее, чем раньше и, кажется, стала подкрашивать ресницы...

Но особенно удивила Яга. Она разительно преобразилась за то время, пока я сидел под арестом. Чистенькая, опрятная, причесанная, она оказалась довольно милой и приятной девушкой, у которой уже завелись поклонники из числа местных офицеров. Поклонники у Яги – раньше даже представить себе такое было невозможно, ведь от нее отвернулся бы даже бомж со свалки, а теперь какая же она Яга, Лейла, или Лейлочка – и никак иначе. Глядя на нее, я понимал, что удивительная перемена произошла не со мной одним...

А уж Алла... Вот вроде прежняя, а в то же время совершенно другая. Даже не знаю, как объяснить. Та, прежняя, Алла, выглядела так, словно была отражением самой себя в мутном и пыльном зеркале... И, кажется, она ко мне относится по-особенному, но я боюсь в это поверить. И мне как-то стыдно теперь за те свои похабные мысли по отношению к ней. Зря я так. Просто было обидно, что с женщинами не везет, вот и злобился на них на всех. А она-то по-человечески ко мне... Очки даже заклеила... И хорошо так заклеила, аккуратно. Приходила в мою арестантскую камеру, поддерживала, так сказать, морально... Мне теперь стыдно в глаза ей смотреть, и я ее даже немного избегаю. Ну, не то чтобы избегаю, но стараюсь слишком долго не находиться в ее обществе. Даже смешно представить, чтобы она вдруг посмотрела на меня как на мужчину... Черт, а ведь иногда мне кажется, что она именно так и смотрит. Да нет, вряд ли; у нее сейчас другое увлечение – Джек Лондон! То и дело бегают с ним пообщаться, а нам говорит: «Я улучшаю свой английский с интересным человеком!» Катька с Лейлой над ней подшучивают в меру своего остроумия, а я... дико ревную. Куда уж мне до этого улыбчивого красавчика из Заокеанья... Но я держу своих демонов в узде и стараюсь научиться быть приличным человеком. Тем более что с некоторых пор мне кажется, что я попал как раз туда, куда надо...

Однажды меня вызвал к себе Одинцов. Я, конечно, давно ожидал его вызова, но все же испытывал некоторый мандраж. Когда я вошел к нему в каюту, тот был деловит, собран, разговаривал со мной нейтральным тоном и ни словом не упомянул о том инциденте. Однако напоминание о том, что на мне лежит смертный приговор, висело в воздухе, и я с новой остротой почувствовал, как дорога мне жизнь...

Он дал мне первое поручение – наконец-то! Мне предстояло составить каталог технических изделий, которые легко воспроизводимы в начале 20-го века, но пока еще не изобретены. Оказывается, наш доморощенный вождь и учитель задумался, каким еще образом мы все сможем заработать себе на жизнь,

помимо грабежа японской торговли, которым они с каперангом Карпенко занимаются сейчас. Результат, конечно, весьма впечатляющий, но надо понимать, что все это закончится, как только мы окончательно победим Японию и грабить уже будет некого. Как выяснилось, он это понимает и даже специально зарегистрировал акционерное общество, в котором акционерами числятся все попаданцы в 1904 год из 2017-го. Я, как потенциальный покойник, ходящий под смертным приговором, из списка акционеров вылетел, но Алла, которая теперь коммерческий директор этой шарашки, пообещала, что если я ударным трудом добьюсь отмены своего приговора, то она сделает все необходимое, чтобы меня восстановили в списке акционеров. Да за такой стимул я буду стараться как проклятый, и сделаю все, и даже больше. Ведь то, что задумал Одинцов – это такие деньжищи, что там хватит на всю тысячу народа для безбедной жизни, и еще и останется. А может, со временем я и сам выбьюсь в этой корпорации в какие-нибудь начальники, буду ворочать миллионами, и тогда мой сон сбудется; только богатым и уважаемым человеком я стану не в Америке, а в России. В России без всяких революций, потому что если Одинцов получит власть, он всех революционеров или завербует, или уничтожит – я таких, как он, знаю...

Не успел я выйти из кабинета Одинцова, а моя мысль уже лихорадочно работала. Ну что можно тут придумать? Так, степлеры, скоросшиватели, шариковые ручки... а что еще?

Я зашел к себе в каюту и присел на койку. Положив на колени блокнот, я задумчиво грыз кончик карандаша, время от времени делая записи. Я так увлекся, что вздрогнул, услышав от двери в каюту женский голос:

– Здравствуйте, Виктор Никонович! Не правда ли, на улице чудесная погода?

Алла! С некоторых пор в ее поведении стали проявляться несвойственные ей ранее черты – такие, как игривость, смешливость, воодушевление. Поистине раньше она была всего лишь ученым сухарем. А вот теперь она – сама женственность; и так приятно, медленно обернувшись, увидеть ее веселую улыбку и глаза, в которых, как пишут в романах, пляшут чертенята – эти создания завелись там с некоторых пор, сделав ее намного привлекательнее.

подавляю вздох – наверное, она опять пообщалась с Лондоном, она всегда такая возбужденная после своих английских exercises.

– О, вы, наверное, пишете стихи? – пошутила она. – У вас такой задумчивый вид...

– А, нет... – пробормотал я, поправляя очки и делая жалкую попытку тепло улыбнуться. Немного подумав, я рассказал ей о порученном мне задании. Она вдруг живо заинтересовалась.

– А ну-ка... – сказала она, присаживаясь рядом на койку и заглядывая в мой блокнот; от прикосновения ее тела меня моментально бросило в жар, а штучка в штанах набухла и напряглась.

– А давайте-ка подумаем вместе, Виктор Никонович... – промурлыкала Алла.

– Давайте... – неуверенно пробормотал я.

В этот момент мне, говоря откровенно, хотелось не заняться пусть и нужным для карьеры, но скучным поручением Одинцова, а, обхватив Аллу за талию и плечи, впиться в ее губы длинным и сочным поцелуем, от которого захватывает дух, после чего, завалив женщину на койку, содрать с нее одежду и сотворить то, что мужчина обычно делает с женщиной, когда остается с нею наедине. Но я невероятным усилием воли сдержал свой эмоциональный всплеск и постарался взять себя в руки. Время для таких проявлений эмоций еще не наступило.

К счастью, Алла не заметила моего «волнения» и, прочитав три написанных мной слова, чуть отодвинулась и принялась диктовать названия милых дамских штучек вроде подвязок для чулок и бюстгальтеров. Вот ведь чертовка! Все, что она перечисляла, я тут же представлял на ней... И ведь не скажешь, что она делала это нарочно... Она вообще на меня не смотрела. Ее взор был устремлен к потолку, и лишь прелестный пальчик, поднесенный к лицу, качался при каждом слове – вперед-назад – сводя меня с ума... Так что моя рука дрожала, и все написанное мной выглядело таким ужасающими каракулями, что разобраться в них мог только я сам...

* * *

25 марта 1904 года, утро. Поезд литер А в Санкт-Петербург, где-то между Омском и Екатеринбургом.

Капитан первого ранга Иванов Михаил Васильевич.

Стучат по стыкам колеса, уплывают назад телеграфные столбы, за вагонными окнами вступает в свои права весна. Напротив меня сидит Андрей Августович Эбергард и меланхолично помешивает в стакане остывающий чай. То, чем мы сейчас занимаемся, в известной мере можно было бы назвать политинформацией. Капитан первого ранга Эбергард хочет понять, почему необходимы столь глубокие преобразования всего государственного механизма, почему нельзя ограничиться только точечными решениями в отношении наиболее одиозных персонажей и продолжать красиво жить дальше. Человек хочет понять! Не кричит, не топает ногами, а приходит и говорит: «Михаил Васильевич, будьте любезны объяснить мне вот это и вот это...» Так это же святое дело – сесть и поговорить о важном и наиболее болезненном. Тем более что скоро нам вести такие же разговоры на куда более высоком уровне. Вот сидим и разговариваем, попивая чаек с лимоном – кстати, неплохая замена водочке, если разговор касается важных вещей.

– Андрей Августович, вот вы, к примеру, человек, готовый без стога положить живот свой за Веру, Царя и Отечество. Ой, только не надо скромничать, я и сам такой. Тот, кто сознательно идет на флот, должен понимать, поступая в Корпус, что когда на его плечи возложат первые мичманские погоны, его шанс умереть в своей постели значительно уменьшится. Море – оно само по себе наш противник и безо всякой войны, и оно не разбирает кто перед ним – матрос-первогодок, или седой адмирал, всех уложит под свинцовое одеяло своих волн. Это на суше служивый может вжаться в землю, укрыться в воронке, выползти из-под огня на брюхе, а у нас, моряков, такой роскоши нет. И в бою нет никакой надежды на шлюпки, ибо их первых осколки превратят в решето – проверено. И вот, должны же быть при таком положении дел у вас какие-то привилегии над обычным обывателем, который жизнью не рискует, а просто переключается в присутствии бумажки с места на место? Конечно, должны быть, и не какие-то, а о-го-го какие привилегии. Рассмотрим вопрос несколько упрощенно – мужики вас кормят, купцы, через уплаченные подати, обеспечивают вам жалование, промышленники вооружают вас боевыми кораблями. Но в тот момент, когда очередной микадо, султан, кайзер, или еще какая сволочь, возжелает наших лесов, полей и рек, или наших девиц в полон – вы со своими собратьями обязаны выступить на битву с супостатом, в которой должны победить или погибнуть. Точка! В этом и есть исконно российский смысл существования дворянства как служилого сословия, и именно этот смысл имел в виду Петр Великий, когда создавал свою табель о рангах. Вы согласны?

Эбергард меланхолично кивнул:

– Пока все правильно, Михаил Васильевич, но я не вижу, каким образом это соотносится с теми, экстраординарными, не побоюсь сказать, мерами, которые вы наметили для России...

– Андрей Августович, все то, что я рассказал, кажется вам банальным, потому что вы, с позволения сказать, правильный дворянин. Вы служите, и тем искупаете все то, что вложено в вас от рождения и до сего момента. Но должны ли быть такие же привилегии у тех представителей дворянского сословия, которые не служили и не собирались служить на благо России? Неужели вы хотите делить свою честь, славу и гордость с нахлебниками, которые только и способны, что проедать добытое предками. Отвечу вам прямо – нет, нет и нет! Указ маразматика Петра Третьего «О вольности дворянской» должен быть отменен, а сословие очищено от паразитов. Вы же хотите сохранить в Российской Империи абсолютную монархию, или, говоря по-русски, самодержавие? Хотите! Значит, надо усилить и те сословия, на которые оно опирается. Может, вы будете удивлены, но вторым после дворянства сословием, поддерживающим в России Самодержавие, является крестьянство. Кроме того, крестьянство – еще и самое многочисленное из российских сословий и представляет подавляющую часть населения страны. Кстати, Андрей Августович, вы что-нибудь слышали о так называемой «мальтузианской ловушке»?

Эбергард отрицательно покачал головой.

– Мальтус – кажется, британский экономист? Нет, Михаил Васильевич, мои интересы лежали несколько в иной области.

– То, что вы о ней ничего не слышали, не отменяет того факта, что Россия попала в эту самую ловушку. А означает это, что, начиная с конца семнадцатого века, в России население растет быстрее, чем растет производство продовольствия. Товарищу Сталину в свое время удалось вырваться из этой сужающейся спирали ценой больших потерь, в том числе и ценой жертв Гражданской войны. Продовольствие – оно вообще находится в основании фундамента всех экономических процессов. Мы в отличие от вас прекрасно знаем, что бывает, когда потеряна продовольственная безопасность. Как вам формула: один еврей за три мешка фуражной пшеницы? Доходило и до такого; натуральный обмен в виде разрешения на эмиграцию для этой малоприятной части населения в обмен

на продовольственные поставки. Кроме того, крестьянство дает государству самый ценный ресурс для обеспечения его безопасности – солдат. Офицер без подчиненных, это как винтовка без патронов – можно использовать лишь в качестве очень дорогой дубины. А посему быстрое и радикальное изменение состояния крестьянского сословия за счет неиспользуемых земель представляется нам насущной необходимостью. Что же касается всяческих революционных идей, что того же можно достигнуть изъятием помещичьих земель – то отвечу, что таковых земель элементарно недостаточно, чтобы снять проблему хотя бы на поколение вперед, и поэтому такой глупостью явно заниматься не стоит. В результате крестьянской реформы Россия должна получить равномерную плотность сельского населения в зоне пригодной для земледелия от Бреста и до Владивостока. Равномерную – а не так, что где то много народа и мало земли, а где-то много земли, но некому ее пахать. Да, на это уйдут огромные деньги, но и отдача будет во много раз больше. Да, кое-кому придется ужать свои аппетиты, но это необходимо для выживания страны – что может случиться, если этого не сделать, вы уже видели...

– Михаил Васильевич, да я, в общем-то, ничего не имею против такой реформы, – поднял голову Эбергард, – тем более что в ваших планах этот вопрос расписан четко, как военная операция. И со стратегической необходимостью такого шага могу согласиться – действительно, не по государственному это, когда земля лежит в запустении. И насчет индустриализации все понимаю – такая великая страна должна самостоятельно обеспечивать себя не только хлебом и мясом, но и машинами и кораблями. Меня больше смущают планируемые вами изменения во внутренней политике. Если посмотреть со стороны, то вы хотите всю страну превратить в единый военный лагерь.

– Военных поселений, как господин Аракчеев, не планируем, – отпарировал я. – А Россия, между прочим, и есть военный лагерь, вдобавок со всех сторон осажденный врагами. А кроме иностранных держав, Андрей Августович, против нас играет крайне суровый климат на большей части территории страны и все те богатства, что запрятаны в ее недра. Уж слишком много ушлых людишек желают сделать наши богатства общечеловеческими, то есть своими. Нет, чистка дворянства, реальный запрет масонских и прочих тайных организаций, создание служб государственной безопасности и военной контрразведки по лучшим образцам, принятым в наше время, являются необходимыми действиями для сохранения нашего государства, не более того. Не получится, Андрей Августович, сохранить и Россию, и привычные вольности; кончать надобно с дурными-то привычками.

– Ну, меня вы, положим, убедили... – Эбергард встал. – Да и для военного человека ваши нововведения мало что изменят. А для нижних чинов ваши порядки вообще послабление преизрядное, но вот в верхах... Государыню Марию Федоровну вы, допустим, убедите. Она по большей части, как и супруг ее покойный, в корень зрит – и поймет, что и для чего надобно. Положим, она с вашей помощью в чем-то сумеет убедить Государя. Не во всем, а только в чем-то. Но как вы убедите тех, кто постоянно окружает государя денно и нощно и уверен в своей высшей ценности и значимости? Ведь именно их привилегии вы собираетесь ущемлять. Да вас живьем съедят!

– Знаю, Андрей Августович, но по-иному нельзя. И боюсь, что Государыне Императрице Марии Федоровне придется сперва взять на себя куда более тяжелую миссию, поскольку вскоре начнутся коллизии с больным Цесаревичем – именно ей предстоит протолкнуть через госсовет отрешение тяжело больного ребенка от наследования престола. Я думаю, что кошачий вой поднимется в первую очередь вокруг этого вопроса, и не забывайте, что многие имеющие влияние на Государя резко впадут в немилость на основании своего поведения в известном вам году и позже. Конечно, Государь Николай Александрович не обладает развитой волей, способной перебороть все искушения ради блага страны, как у Петра Великого, Николая Первого или Александра Третьего, но то влияние, которое мы к тому времени сможем оказывать на Государыню Марию Федоровну, его брата Михаила, его сестру Ольгу, его друга детства Великого Князя Александра Михайловича, не оставит ему шансов. Да и желание избежать Ипатьевского подвала пусть не для себя, а для супруги с детьми, тоже будет подстегивать его в нужном направлении. Конечно, будет нелегко, так нам никто и не обещал легкой жизни...

– Честь имею, Михаил Васильевич! – откланялся Эбергард, – а теперь позвольте пойти и обдумать ваши слова. Мы-то, немцы, привычны к порядку, так что за себя я не боюсь, но для большинства русских это будет шоком.

– Честь имею, Андрей Августович, – откланялся я в ответ, – а куда они денутся с подводной лодки? Земля-то маленькая... и круглая. А их дети и внуки нам еще и спасибо скажут.

– Не скажут, – повернулся от дверей Эбергард, – они же никогда не узнают, из какой кровавой трясины вы их вытаскиваете.

– Не скажут, так не скажут, – согласился я, – не за спасибо работаем – за идею!

* * *

25 марта 1904 года, 19:42 по местному времени. Корейский пролив. борт атомного подводного крейсера К-419 «Кузбасс».

Командир АПЛ капитан 2-го ранга Александр Степанов, 40 лет.

Уже две с половиной недели мы возле Цусимы пасем господина Камимуру с его крейсерами и пытаемся заблокировать пролив по части воинских перевозок. Правда, пока не подошел Владивостокский отряд (это произошло неделю назад) под командованием адмирала Иессена, последнее у нас получалось плохо. В то время как Камимура у нас сидел как мышь под веником и не высовывался, джонки, от идеи топить которые подводными пробежками я отказался сразу, и пароходы под коммерческим флагом сновали мимо нас только так. Ну нет у меня на борту ни лишних людей для досмотровой партии, ни пушки, чтобы останавливать ослушников выстрелом. Сами пароходы, которые требуется проверять, по умолчанию были битком набиты японскими солдатами. Шныряла мимо нас и мелочь под военными флагами вроде миноносцев и контрминоносцев. Мне, например, кажется предельной расточительностью тратить пусть даже и устаревшую торпеду из двадцать первого века, которой можно запросто уничтожить броненосный крейсер, на лоханку водоизмещением триста пятьдесят тонн с ротой солдат на борту. А ведь номерные миноносцы еще мельче, тонн по сто пятьдесят – вот и приходилось скрежетать зубами, когда эта шпана сновала мимо нас туда-сюда.

Но вот с того момента, как нас подкрепили Владивостокским отрядом, положение изменилось с точностью до наоборот. Скрежетать зубами теперь пришлось господину Камимуре. И все потому, что прямо на его глазах Корейский пролив был перекрыт наглухо, а он и слова против сказать не мог. Нет, один на один, по правилам линейного сражения, четыре броненосных крейсера Камимуры кратно сильнее трех броненосных и одного бронепалубного крейсера Иессена. Шесть восьмидюймовок в бортовом залпе у русского отряда – это значительно меньше шестнадцати у японского. При этом почти никакого значения не имеет примерное равенство количество шестидюймовых орудий. В поединке броненосных кораблей роль играет только главный калибр. В нашей истории преимущество японской эскадры было ярко продемонстрировано во время боя в Корейском проливе 1-го августа 1904 года, когда при данном соотношении сил Владивостокский отряд (без «Богатыря») потерпел поражение

от эскадры адмирала Камимуры, броненосный крейсер «Рюрик» погиб, а «Россия» и «Громобой» получили тяжелые повреждения.

Теперь Камимура и рад бы выйти из базы на Цусиме, чтобы разделаться с дерзкими северными варварами, но не может, потому что боится морского демона, таящегося в подводной засаде, то есть нашего «Кузбасса». Наслышан, однако. Зато мы с удовольствием наблюдаем (то есть наблюдали), как контр-адмирал Иессен низводит и куроцает японское судоходство в Корейском проливе со вполне приличных величин, низведя его в течение суток примерно до нуля. Теперь через пролив никто никуда не идет, не бежит, не ползет и даже не плавает, ибо все японское давно уже приплыло (и в основном на дно), а нам в той Японии пока ничего не надо.

Теперь есть подозрение, что японцы на остатках каботажного тоннажа могут попытаться наладить переправу значительно севернее этих мест – например, между одним из портов западного побережья острова Хонсю и корейским Вонсаном. Но, во-первых, Вонсан – это сейчас глухое захолустье, рыбацкая деревушка без всякой портовой инфраструктуры и подведенных сухопутных коммуникаций, а во-вторых, в зависимости от японского порта отгрузки расстояние, на которое требуется перевозить войска, увеличивается втрое-вчетверо. В любом случае Карл Петрович обещал послать «Богатыря» с «Леной» сбегать проверить – не назревают ли в Идзумо, Майдзуре, Цуруге, Фукуи, Комацу и Канадзаве какие-то нехорошие движения. А то как-то подозрительно – уже два дня в проливе тишина как на кладбище. А ведь согласно известной поговорке, вода должна обязательно искать свою дырочку, а японское командование – способ переправить свои войска и их снабжение с островов на материк, в Корею.

Кстати, контр-адмирал Иессен частенько заглядывает к нам на «Кузбасс», поговорить. А поскольку мы ему не подчиненные, а союзники, то происходит это неофициально без лишней помпы. Мне, например, никто никаких запретов по этому поводу не давал, даже представитель президента Павел Павлович Одинцов, фактический руководитель нашего обломка РФ в 1904 году, сказал мне, что я сам большой мальчик, давал присягу и, исходя из этого, должен соображать, что говорю и кому. В любом случае все сказанное и неслезанное будет на моей совести. А Карл Петрович Иессен – он не только контр-адмирал и патриот России, но еще и человек с деловой жилкой, по выходу в отставку организовавший в Риге Мюльграбенскую верфь, на которой строились эсминцы типа «Новик» для русского императорского флота.

Таким образом, такие встречи без галстуков под чаек у меня в каюте определенным образом вошли в обычай. Иногда к нам присоединялся мой старший офицер, Николай Васильевич Гаврилов, но это очень редко. Потому что если меня нет на мостике, он должен быть там, и наоборот. Чаще всего третьим, который совсем не лишний, был штурман кап-три Максенцев, командир минно-торпедной БЧ-3 кап-три Потапов, и дед, по местному старший механик, командир БЧ-5 капитан-лейтенант Матвеев. Но во время разговоров ни званий, ни должностей, ни фамилий, упаси Боже, не употреблялось. Местные тоже не хуже нас понимают, что значит общаться вне службы. Обращались друг к другу исключительно по имени-отчеству: Карл Петрович, Александр Викторович, Николай Васильевич, Сергей Антонович, Игорь Владиленович, Семен Васильевич.

Кстати, адмирала Иессена очень заинтересовало отчество нашего командира минно-торпедной боевой части, которого он по местному называл старшим минным офицером.

– Скажите, Александр Викторович, – спросил он у меня, а что за такое имя Владилен? Владимир знаю, Владислав, знаю, а Владилен впервые слышу...

– Ну знаете, Карл Петрович, – с толикой юмора ответил я, – Владимир, это владеющий миром, Владислав – владеющий славой, а Владилен, скорее всего, владеющий Леной... то бишь муж означенной Елены. Но это шутка, а если серьезно, то Владилен – это сокращенное от Владимир Ленин. Есть сейчас такой мелкий политический деятель в запрещенной партии эсдеков. Пока он там не на главных ролях, но в нашей истории ему предстояла роль творца этой Истории, потрясшего и ужаснувшего весь мир и перевернувшего Россию даже не с ног на голову, а просто с боку на бок. Уже потом пришел его сподвижник и поднял ее на дыбы, на благо народу и на страх врагам. Вот на него всех собак и повесили, причем за все сразу. А Владимир Ленин так и остался в народной памяти добреньким дедушкой, народолюбом и освободителем от царской тирании. Детишек вот в его честь называли, памятников по все стране понаставили, как основателю первого в мире государства рабочих и крестьян.

– Ну и как оно, государство, получилось? – поинтересовался Иессен.

– Получилось, – кивнул я, – но совсем не такое, как планировал основатель. После упорного строительства обнаружилось, что построена копия Российской империи, только из красного кирпича. Но дури, пока строили, наворотили – не приведи Господь. Вот Владилен, или Владлен еще благозвучно звучит, почти по-

человечески, а как вам понравится такое женское имя, как Даздраперма?

Адмирал Иессен чуть не поперхнулся.

– Как, как, Александр Викторович? – переспросил он.

– Даздраперма, – повторил я, – женское имя, означающее: «Да здравствует Первое Мая».

– Да уж... – сказал адмирал, вытирая губы салфеткой, – как говорится, – век живи, век учись. И насколько массовыми были сии явления?

– Да нет, – ответил я, – ни о какой массовости и речи не шло. Просто в любом обществе есть свои юродивые, старающиеся, как говорится в наше время, выпендриться. Впрочем, в своем большинстве детки этих полоумных, стесняющиеся столь экзотических имен, по достижении возраста совершеннолетия подавали соответствующие прошения и становились привычными Иванами, Татьянами, Антонами, Маринами, Сергееми и прочее, прочее, прочее...

Но это был так, частный случай, а в основном наши разговоры касались близкой нам военно-морской тематики. Например, перспектив развития надводных и подводных миноносцев, да и самого минно-торпедного оружия. Вот тут я отдавал карты в руки все тому же Игорю Владиленовичу, а сам садился в сторонке в роли модератора разговора. Ну а поскольку кап-три Потапов являлся, можно сказать, фанатом именно торпедных подводных лодок и не меньше меня мечтал выпустить торпеды хоть по броненосцам Того, хоть по гитлеровскому линкору «Бисмарк», то и разговор тоже шел в соответствующем русле.

– Надводные миноносцы, Карл Петрович, – говорил кап-три Потапов, – своего назначения совершенно не оправдали. Уже сейчас при нынешнем развитии артиллерии выйти такому миноносцу среди бела дня в атаку на вражеский корабль с хоть сколь-нибудь целой противоминной артиллерией становится подобным смерти, в то время как подводная лодка может совершенно спокойно подкрасться на дистанцию стрельбы и произвести пуск. Из-за этого корабли, построенные как носители минно-торпедного оружия, в своем большинстве использовались не по назначению, как посыльные суда, разведчики и охотники за теми же самыми подводными лодками.

Кстати, в британском флоте корабли, у которых артиллерия по важности превосходила минное оружие, назывались дестроерами, а те, что были нацелены на борьбу с подводными лодками – фрегатами и корветами. Нет, самодвижущиеся мины применялись с надводных кораблей, но это были корабли совершенно особенного типа – с очень малым водоизмещением, около тридцати регистровых тонн, мощными бензиновыми моторами, суммарно от полутора до двух тысяч лошадиных сил и, соответственно, очень высокой скоростью – от сорока до пятидесяти узлов. Минные аппараты такого катера стреляли не по траверзу, как у современных вам миноносцев, а прямо по курсу катера, который после пуска мин должен был совершать маневр уклонения и выходить из боя. Естественно, что с таким малым водоизмещением такие катера были способны действовать только в окрестностях собственной базы или с корабля-носителя, на который их подобно шлюпкам следовало поднимать после каждого применения.

Но и в этом случае даже такие маленькие и маневренные кораблики несли очень большие потери от заградительного огня противоминной артиллерии, который к тому же воздействовал на взрыватели самодвижущихся мин, вызывая их преждевременный подрыв. Таким образом, только подводные миноносцы, способные скрытно подкрасться к ничего не подозревающему врагу и нанести по нему внезапный разящий удар, могут быть по-настоящему эффективными носителями минного оружия; а надводные минные корабли всех типов, как правило, пригодны для чего угодно, только не для разящих минных атак на боевые корабли противника...

Вот-вот, правильная агитация, я ведь помню слова Павла Павловича, что адмирал Иессен не только нынешний адмирал, но еще и будущий бизнесмен. Дай-то Бог чтобы мы его по-настоящему зажгли этим делом, и на его Мюльграбенской верфи в будущем для русского флота строились не эсминцы, а подводные лодки. Они-то и в самом деле окажутся полезней и дешевле обойдутся. А мы уже подсказем, что строить и как.

А то ведь как может получиться... Вкладывала какая-нибудь Британия миллионы фунтов золотом в постройку сверхлинкора, ну например «Барнхэм», вооружала, обучала экипаж, а потом этот сверхлинкор попадает в прицел подлодки, которая обошлась противнику в тысячу раз дешевле. Командир лодки, небритый как средневековый пират, командует атаку и всаживает торпедный веер в борт бронированному громиле. Взрыв боекомплекта и котлов – и гордость британского адмиралтейства разлетается на куски вместе с тысячью человек прекрасно обученного экипажа. Финита ля комедия.

Эту историю я, кстати, тоже рассказал Карлу Петровичу, сказав, что эпоха линейных сражений собственно заканчивается, так что подводные лодки всех типов и отчасти быстроходные крейсера для цивилизованного прерывания торговли и демонстрации флага – это наше все, а вот линейные флоты – это дорогие игрушки, которые важны скорее с точки зрения государственного престижа. И вы знаете, адмирал Иессен со мной согласился.

* * *

26 марта 1904 года, 09:42 по местному времени. острова Эллиота, полевой лагерь учебной бригады морской пехоты.

Подполковник Новиков Александр Владимирович.

Только что завершилось общее построение бригады. Ровные коробки рот стояли в едином строю. Они пока еще одеты либо в пехотное белое, либо в морское черное, но «Трибуцем» уже захвачены трофейные штуки отличного британского сукна цвета хаки, что позволит ввести в бригаде свою форму одежды, лишь минимально отличающейся от привычной в нашем двадцать первом веке. Кстати, Дарья Михайловна обещала, что ее девочки обошьют бригаду качественно и в кратчайший срок, ибо в этом веке еще не родилась кореянка, не умеющая шить. А из Мукдена уже едут два десятка швейных машинок «Зингер» с ножным приводом – это все, что нашлось на местных складах фирмы. Этот заказ, по просьбе Пал Палыча, оплатил управляющий Наместника. Сам Евгений Иванович в ответ на просьбу только махнул рукой: «Чего уж там, свои люди, сочтемся...», но, сказать честно, все это было это надо вчера, поскольку сегодня завершился первичный отборочный цикл обучения морских пехотинцев, и сейчас те из кандидатов, что успешно прошли отбор, уже превратились в курсантов. Вот тут бы их и одеть в новую форму – но, увы, за неимением гербовой пишем на простой. Но вот сводный оркестр доиграл «Прощание славянки» – и наступила тишина. Кстати, этот самый оркестр – еще одна примета, что временное собрание вооруженных людей превращается в полноценную военную часть. Теперь у меня даже есть временно исполняющий обязанности начальника штаба – это всем хорошо знакомый Александр Петрович Агапеев. Так что парадокс – командир бригады по званию младше начальника штаба; хотя ситуация в данном случае кристально прозрачна, после первой же успешной десантной операции получит Александр Петрович погоны генерал-майора и рванет вверх, только успевай задиравать голову. А пока у меня есть очень хороший начальник

штаба, который позволил мне снять с себя все вопросы, за исключением непосредственно учебного процесса. Помню тот разговор с Наместником Алексеевым, когда я попросил у него хорошего начальника штаба для бригады.

– А чем же тебе, подполковник, Александр Петрович Агапеев плох? Все равно он пропадает у тебя и днем и ночью, совсем свои дела в штабе Макарова забросил. Вот мы и переведем его к тебе начальником штаба, пока. Вот ты его своей тактике учишь, так учи до конца. Вот в деле с тобой побывает – тогда и посмотрим, что выйдет и из него и из всей этой затеи. А штабист он отменный, мне его все хвалили. Да и Степан Осипович против не будет, я уже говорил с ним...

Вот именно это «Степан Осипович», сказанное без скрежета зубов, тоже есть очередная примета нового времени – притираются господа адмиралы к друг другу, начинают понимать и принимать.

Кроме оркестра и начальника штаба, в бригаде теперь есть батюшка, отец Спиридон. Сначала этот вопрос всех поставил в тупик. Конечно, было понятно, что в нынешних условиях без священника никуда. Но вот задача – батюшка, это такая штатная единица, что он очень быстро будет знать о бригаде в частности, и об островах Элиота вообще – ВСЕ! Очень не хочется выпускать тигра из клетки, с явной перспективой того, что невозможно будет загнать его обратно. Но и без священника тоже нельзя, вот ведь парадокс. И тут в Порт-Артур прибывает отец Спиридон, благословленный святым отцом Иоанном Кронштадским на подвиг – служить священником на поле боя. Прибыл отец Спиридон на маневрирующую и стреляющую в окрестностях островов Элиота эскадру. Там его и представили Наместнику Алексееву. Тот побеседовал с ним лично, а потом уже представил нам с Павлом Павловичем, со словами:

– Сему батюшке, отцу Спиридону, говорить можно все. Духовник он изрядный и не болтлив. О важности вашего дела для России, и необходимости хранить полную тайну я его упредил.

Батюшка мне понравился. Умные, спокойные глаза, выдающие незаурядный ум, аккуратно подстриженная борода, и тело под рясой угадывается скорее жилистое, чем дородное. Это было вчера утром, пролетел наполненный боевой учебой день, а уже вечером у меня нашлось время поближе познакомиться со святым отцом.

– Здоровы будьте, дети мои, – отец Спиридон перекрестился, входя в штабную палатку, – Христос с вами, Александр Владимирович, и с вами, Александр Петрович.

– Александр Петрович, – остановил я, собирающегося уйти Агапеева, – ты погоди, это дело и тебя касается тоже... – И уже отцу Спиридону: – Вон стул, садитесь, отче. Будем знакомиться, как-никак, формально вы будете третьим лицом в бригаде после меня и начальника штаба.

Отец Спиридон сел.

– Александр Владимирович, – сказал он, – я провел этот день среди ваших людей, и теперь понимаю, что попал в очень необычную воинскую часть. Если сказать честно, то я в смущении, господин подполковник.

– И что же вас смутило, батюшка? – я повернулся лицом к отцу Спиридону, – говорите, не смущайтесь...

Батюшка прокашлялся.

– Господин подполковник, меня смутили ваши люди – те самые прапорщики и поручики по адмиралтейству, которых все здесь называют инструкторами. Во-первых – большинство их них еще слишком молоды даже для самых младших офицерских чинов, но сие дело не мое, а властей светских. И если его высокопревосходительство Наместник присвоил им эти чины своей властью, то значит, тому были основания и необходимость. Но вот другое. Во всех них, да и в вас тоже, я вижу страдающие души опаленные настоящим адским огнем. И теряюсь в догадках, откуда такое в нашем мире...

Я тяжело вздохнул, и подумал – действительно догадливый батюшка, а если с полвзгляда видит, кто чем дышит, то пригодится в бригаде побольше, чем любой замполит. А вот вопрос придется объяснить ему по-настоящему, раз уж он такой прозорливец.

Я достал из папки бланк расписки в сохранении государственной тайны, завизированный Наместником Алексеевым.

– Честный отец Спиридон, это дело касается тайны особой государственной важности. Мы с вами вместе служим России – я в погонах, вы в рясе. А посему поклянитесь, что будете молчать до самой смерти, под страхом этой самой смерти, если иного не повелит Самодержец Всероссийский. И будьте любезны, подпишитесь вот здесь, что предупреждены о летальных последствиях даже случайной болтливости.

– Э-э-э, сын мой, а может, не надо тайн? – батюшка посмотрел на придвинутый к нему бланк как на ядовитую змею.

– Надо, отец Спиридон, надо! – покачал головой я. – Вы и так уже ухватили краешек этой тайны за хвост. Подписывайте – и поговорим! А я, со своей стороны, обещаю быть не слишком суровым и не карать вас за разговоры среди своих, в конце концов, в этом и состоит ваша работа.

Священник взял со стола шариковую ручку и со вздохом подписал предложенную бумагу.

– Надеюсь только на ваше милосердие, господин подполковник... – Потом, отодвинув ко мне бланк, начал вертеть в руках дешевую китайскую ручку, прибывшую с нами из двадцать первого века. – О, какое любопытное новомодное изобретение! И весьма удобное к тому же... – отложив ручку, отец Спиридон магнетическим взглядом посмотрел мне в глаза. – Я слушаю вашу историю, господин подполковник...

– Только слушаете? – я достал из-под стола чемоданчик с ноутбуком. – А как насчет посмотреть? Мы действительно прибыли из ада, и этот ад – ваше будущее. Смотрите, святой отец, что случится в мире, если мы не преуспеем! А вы, Александр Петрович – не в службу а в дружбу – кликните там кого-нибудь из НАШИХ, пусть постоит у палатки и говорит всем, что туман, Шереметьево не принимает.

Полтора часа в палатке не было слышно ничего, кроме звукового сопровождения фильма. Отец Спиридон смотрел – и то, что он видел, доставляло ему такие муки, что он чуть ли не терял сознание. И только безмолвно шевелящиеся губы, да пальцы, методично перебирающие четки, говорили о том, что он еще жив. Вот фильм закончился, и отец Спиридон поднял на меня покрасневшие глаза.

– Да, силен Отец Зла! Изыди, сатана! – батюшка перекрестился. – А вас, господа, значит, Господь сюда направил – упредить и оберечь нас, сырых? Что же, вполне может быть, удар молнии – это тоже знак! И что же вы делать-то собираетесь, дети мои?

– Делать что должно, и пусть свершится что суждено... – я пожал плечами. – Что может делать русский офицер – сражаться, убивать врагов России, и надеяться, что после победы жизнь будет прекрасной и праведной...

– Конечно, конечно, – отец Спиридон встал, держась за крест, – я, с вашего позволения, удалюсь – помолиться под звездами и подумать. Может, господь подскажет мне, что должно делать, а что нет.

И вот утром на построении он стоял за моим плечом, и те, кто видели его со стороны, сказали, что от звуков «Прощания славянки» у него текли слезы. А значит, наш человек, сработаемся. Да, то чем мы занимались с полковником Агапеевым, перед тем как пришел отец Спиридон – это утрясание списков успешно прошедших начальный отбор. И выяснилась удивительная вещь – у нас оказались сверхштатные курсанты, примерно пять сотен рядовых и три десятка офицеров по всем признакам были годны к продолжению обучения, но штат уже был заполнен. И тогда мы плюнули и решили создать пятый сверхштатный резервный батальон. Так сказать, для восполнения потерь выбывшими по ранению или смерти. Теперь можно сказать, что бригада сформирована, и после Пасхи начнет уже основной цикл подготовки. И тогда мне жалко будет всех, потому что времени у нас мало, а сделать надо много. Потом мне будет жаль японцев и всех тех, кто подвернется нам под горячую руку... А пока дела насущные, я удерживаю возле себя отца Спиридона и взмахом руки подзываю своего зампотыла, бывшего старшего прапорщика Качура.

– Значит, так – батюшка и ты, Андрей Борисович, слушайте мой боевой приказ. В связи с отбытием сегодня днем части личного состава, не прошедшего отбор, у нас освободятся несколько палаток. Отец Спиридон, подумайте, что вам нужно, чтобы сделать из одной из них походную церковь. Послезавтра Пасха. Что здесь есть на складах, Андрей Борисович поделится, чего нет, пошлем миноносец в Порт-Артур или Дальний. Я сожалею, что мы так поздно спохватились, но время еще есть больше суток. Что хотите делайте, но у матросов, солдат, офицеров должен быть настоящий Праздник. Все, исполняйте!

Я стоял и смотрел, как кружатся человеческие водовороты, разбиваясь по новым батальонам, ротам, взводам, отделениям. Как черное морское и белое пехотное перемешиваются буквально до однородной массы. Как офицеры с листами бумаги в руках выкрикивают фамилии своих бойцов, собирая вокруг себя взвода и роты. Пройдет еще немного времени – это броуновское движение утихнет и начнется притирка людей в новых коллективах. Но главное – это то, что сегодня фактически родилась бригада морской пехоты, войско нового строя.

* * *

26 марта 1904 года 10:05 по местному времени. острова Эллиота, БДК «Николай Вилков».

Павел Павлович Одинцов.

Сегодня после полудня эскадра прерывает учения и временно возвращается в Порт-Артур. Там матросы и офицеры встретят Светлый Праздник Пасхи, а на кораблях будут пополнены угольные ямы и артиллерийские погреба. Ну и числа тридцатого все вернется на круги своя. Сейчас же на корабли грузятся матросы, солдаты и офицеры, которые из кандидатов так и не стали курсантами. Прошли восемь дней боевой учебы – это не считая семнадцатого числа, дня прибытия, и сегодняшнего дня, дня отбытия. По этому поводу у нас намечилось небольшое совещание в верхах. В кают-компани «Вилкова» собрались: ваш покорный слуга, командир учебной бригады морской пехоты подполковник Новиков Александр Владимирович, постоянно исполняющий обязанности командира эсминца «Быстрый» капитан второго ранга Никольский Антон Петрович, Наместник Е. И. В. на Дальнем Востоке его высокопревосходительство адмирал Алексеев Евгений Иванович, Командующий Тихоокеанским Флотом РИФ вице-адмирал Макаров Степан Осипович. Тема беседы, как я уже сказал, прошедшие восемь дней боевой учебы и кое-что еще.

– Итак, господа... – Наместник взял слово первым, как самый старший по званию из присутствующих, – честно говоря, я не верил в эту затею с учениями, но прошло время и все встало на свое место. Действительность превзошла самые смелые мои ожидания. Вот, Степан Осипович подтвердит, что на первых стрельбах на дистанцию в тридцать-сорок кабельтовых семнадцатого числа сего месяца, наши комендоры давали залпы с таким разбросом, что просто волосы дыбом вставали. Но капитан второго ранга Никольский, которого мы по

вашему совету сделали посредником, рьяно взялся за дело. Антон Петрович, вы бы знали, какими словами материли вас господа офицеры в первые два дня. Говорили и то, что на такую дистанцию стрелять невозможно, и что все это пустая трата времени и снарядов. Но потом...

– Потом наши славные офицеры-артиллеристы увидели, что у них стало получаться что-то вроде накрытий, – вице-адмирал Макаров огладил окладистую бороду, – и разговоры сразу притихли. А вот вчерашние стрельбы вообще порадовали!

– Да, да, – вступил в разговор Никольский. – Условный броненосец противника получал бы одно попадание главным калибром в каждом залпе эскадры из трех броненосцев, что составляет примерно восемь процентов, что в три раза выше, чем у немцев и в семь раз выше, чем у англичан. Но! Стрельба пока ведется в два раза медленнее обычного, комендоры пока не могут без уменьшения точности уложиться в нормативы по времени наводки на цель. Очень большие проблемы с координацией огня даже трех броненосцев, а ведь в идеале у нас эскадра из семи линейных броненосцев. Кроме того, господа адмиралы, с кем бы вам ни пришлось воевать в будущем, противник почти никогда не предоставит вам такой роскоши, как равное соотношение сил. Любой неприятельский флот, с которым вы можете столкнуться в завтрашних войнах, непременно будет иметь над нами численное превосходство. Я согласен с Павлом Павловичем в том, что эти войны обязательно будут, и надеюсь, что в этом ни у кого сомнения нет. Мое мнение – после празднования Пасхи необходимо продолжить учения и выполнить учебную программу полностью.

– М-м-м, – Наместник Алексеев пожевал губами. – Согласен, спешить нам особо некуда, «Севастополь» сможет выйти в море тридцатого марта, «Пересвет» будет готов к середине апреля, а ремонт самых лучших наших броненосцев – «Ретвизана» с «Цесаревичем» – затянется до середины мая. Павел Павлович не устает нам повторять, что возможны британские провокации, которые вынудят нас вступить в сражение с их эскадрой. Что ж, возможно. В таких условиях я не считаю возможным рисковать и выводить в море ослабленную эскадру. Если уж британские джентльмены желают нас провоцировать, то пусть провоцируют все семь броненосцев, команды которых прошли полный курс вашей учебы. А пока меня вполне устраивают результаты наших совместных крейсерских операций. Так что предварительный план остается неизменным – тридцатого числа в рейд пойдут броненосный крейсер «Баян» и ваш эсминец «Быстрый», к которым уже в море присоединится «Богатырь», выводимый из состава Владивостокского

отряда крейсеров. Вы уж, Антон Петрович, потряните там микадо за бороду. Полная блокада японских островов – дело трудновыполнимое, но вполне желательное. Но только что вы будете делать, если англичане начнут эскортировать торговые пароходы с грузами для Японии своими крейсерами?

– Постараемся избегать нежелательных конфликтов с грубыми незнакомцами, – пожал плечами кап-два Никольский. – Ну а в случае чего, ваше высокопревосходительство, вы нас знаете – нам что японцы, что наглосаксы, все одно без разницы.

– Да уж, наглосаксы, – усмехнулся в бороду Наместник, – вам только разреши, вы весь мир в труху разнесете. Нет уж, действуйте, конечно, по обстановке, но от сильных средств, если нет особой необходимости, воздерживайтесь. Как там у вас говорится: «Бахнем, но не сейчас». Ну ладно, да пребудет Господь с вами, Антон Петрович, до рейда мы с вами боле не увидимся. С командиром «Баяна», капитаном первого ранга Робертом Петровичем Виреном, я поговорю особо в Порт-Артуре. А теперь перейдем от дел морских к делам земноводным. Александр Владимирович, докладывайте, как обстоят дела у вас на бригаде?

– Значит так, ваше высокопревосходительство – мы закончили отборочный цикл обучения. По его итогам были сформированы четыре десантно-штурмовых батальона. Признано негодными по различным показаниям семьсот десять рядовых и унтер-офицеров, а также сорок пять младших офицеров. – брови Алексеева поползли вверх. – Ваше высокопревосходительство, у вас очень хорошие солдаты. Проходи этот конкурс сто лет тому вперед, результат был бы обратным – семьсот человек годных, а три тысячи триста других – нет. Морская пехота – все-таки элитная часть, и специфическая. А мы даже смогли сверхштатно сформировать из годных к службе, и не попавших в основной штат пятый резервный батальон. На случай убыли личного состава от гибели в бою или ранения.

Наместник сразу подобрел.

– Ну, раз так, господин подполковник, когда думаете начать основные тренировки?

Новиков кивнул.

– Ваше высокопревосходительство, сразу после Пасхи и начнем, объекты полигона практически все построены – теперь отсюда и до победы, не оглядываясь.

– Хорошо, Александр Владимирович, буду к вам заглядывать время от времени – так сказать, интересоваться. Вы уж не подведите старика, а то я уж и Государю телеграфировал, что ваше начинание... как это мне словечко адъютант подсказал, вот – многообещающее! А теперь, Павел Павлович, какая у вас сногшибательная новость? А то мы лучше со Степаном Осиповичем посидим...

– Новость у меня, Евгений Иванович, сакраментальная, – встал я, – прямо по Николаю Васильевичу Гоголю. К нам едет ревизор... А точнее, лучший друг детства Государя Императора Великий Князь Александр Михайлович, любимый младший брат Государя Императора Великий Князь Михаил Александрович и любимая младшая сестра императора Великая Княгиня Ольга Александровна. Наша миссия в Санкт-Петербург столкнулась с ними нос к носу на переправе через Байкал. Да, и капитан первого ранга Иванов действовал по первому варианту и открыл перед господами Романовыми всю информацию о нашем происхождении. Вот его телеграмма, – я положил на стол бланк. Вот – дядя Саша, это Александр Михайлович, он же ВКАМ, он же Сандро, позывной столь известного человека был заранее оговорен. Племянник и племянница, Михаил и Ольга... зная первый пункт, это понятно. А вот фраза: «весь товар продан» означает, что он был вынужден раскрыть всю информацию. Вы посмотрите свою почту, Андрей Августович должен был прислать вам нечто подобное. Если такая телеграмма завалилась в почте, то выпорите своего адъютанта; если она вообще не приходила – то капитана первого ранга Эбергарда. Но я готов поставить на первый вариант. Над фамилией фон Бок в России тяготеет особое проклятье. По расчетам Михаила Васильевича, поезд Великих Князей может прибыть как раз на Пасху, но на вашем месте я бы готовился к завтрашнему полудню. Лучше, знаете ли, перебдеть, чем недобдеть.

– Да-с, спасибо что упредили, встретим, не впервой. – Наместник обвел взглядом присутствующих. – А ведь все это вы со своим разгромом Того – тут не удивительно, что Государь Великого Князя Александра Михайловича прислал посмотреть на вас, красивых. А то удивительно, что сюда не примчались король британский и кайзер германский.

* * *

26 марта 1904 года, 22:35 по местному времени. острова Эллиота, полевой лагерь учебной бригады морской пехоты.

Подполковник Новиков Александр Владимирович.

После отбоя в лагере наступила долгожданная тишина. Переминался с ноги на ногу часовой с винтовкой, в белой пехотной форме под традиционным грибком. В штабной палатке кто-то перебирал струны гитары.

Бьется в тесной печурке огонь,

На поленьях смола как слеза,

И поет мне в землянке гармонь,

Про улыбку твою и глаза...

Ну, кто бы это мог быть, кроме Кости Жукова – у него, кажется, ТАМ осталась девушка, и теперь до нее дальше, чем до какой-нибудь Альфы Центавра. На местных корейских красавиц он не смотрит, а все сохнет по своей Лидочке. Эх, Костик, Костик! В палатку не захожу, стою у входа, курю, смотрю на звезды. Они такие же, как и у нас в две тысячи семнадцатом. Что для них сто лет? Тьфу, ерунда! А в палатке Костя немного поперебирал струны и продолжил.

Про тебя мне шептали кусты

В белоснежных полях под Москвой.

Я хочу, чтобы слышала ты,

Как тоскует мой голос живой.

...

Ты сейчас далеко-далеко.

Между нами снега и снега.

До тебя мне дойти нелегко,

А до смерти – четыре шага.

На звуки Костиных музыкальных экспериментов к штабу подошли несколько темных фигур. В свете фонаря блеснули звездочки на погонах.

– Господин подполковник, разрешите обратиться?

– Разрешаю! – я последний раз затянулся и отбросил в сторону почти докуренную сигарету.

– Мичман Витгефт Владимир Вильгельмович, – ответила мне одна из неясных теней, – скажите, господин подполковник, а что это была за песня? Первый раз слышу, но дивно хороша.

– Это... – я замялся, пытаюсь подобрать слова, но потом махнул рукой, – а, впрочем, прошу посетить наше импровизированное офицерское собрание. Теперь вы почти одни из нас, так что добро пожаловать!

Я распахнул полог палатки, пропуская офицеров внутрь. Кроме Кости, внутри был, конечно, Слон собственной персоной, ну кто бы мог подумать! В углу, скрестив руки на груди, стоял полковник Агапеев. Видно, у него тоже где то там далеко, осталась любимая женщина, ибо его взгляд витал не здесь и не сейчас. Со стола были убраны все бумаги. Несмотря на свой образ рубахи-парня, капитан Рагуленко в служебных делах аккуратист, и сейчас эти документы наверняка покоятся в чреве походного сейфа. А вместо них на столе наблюдается початая едва на четверть бутылка настоящей местной «смирновской», а не нашей подделки из двадцать первого века, а также тарелки с разнообразной снедью, посмотрев на которые, можно написать поваренную книгу на тему «Холодные закуски корейской кухни».

– Костя, у нас гости! – Слон упруго соскочил со стола, на краешке которого сидел, когда слушал пение лейтенанта Жукова. – Товарищ подполковник, за время моего дежурства происшествий нет, больных и самовольно

отсутствующих не имеется. Докладывает капитан Рагуленко.

– Вольно! – я потянул носом. – Пил?

– Да, ну, товарищ подполковник, только пару шотов, – Слон пожал плечами, – только чтобы компанию поддержать.

– Вижу! – я обернулся к вошедшим в палатку офицерам. – Ну, что же, господа, давайте знакомиться. По-настоящему, самый суровый первый отбор вы прошли, так что теперь нам и в бой идти вместе, и помирать, не дай Бог, рядом. Итак, господа, сейчас мы вне службы, так что – ваш покорный слуга, подполковник Новиков Александр Владимирович. Вот этот юноша с гитарой – лейтенант Жуков Константин Петрович, герой захвата Элиотов, истребитель самураев. Вот этот господин, все не могущий забыть свои американские привычки – капитан Рагуленко Сергей Александрович; тот, кто сведет с ним приятельские отношения, сможет обращаться вне службы к нему по простому – Слон. Полковника Агепеева Александра Петровича вы все уже знаете. А теперь, господа офицеры, попрошу представиться.

– Исполняющий обязанности командира первого батальона, капитан Деникин Антон Иванович.

– Исполняющий обязанности командира третьей роты, лейтенант Зельгейм Лев Николаевич.

– Исполняющий обязанности командира третьего батальона, капитан по Адмиралтейству Петресов Алексей Федорович.

– Исполняющий обязанности командира второй роты, поручик Карбышев Дмитрий Михайлович.

– Исполняющий обязанности командира девятой роты, лейтенант Быков Иван Николаевич.

– Исполняющий обязанности командира одиннадцатой роты, лейтенант Лавров Михаил Иванович.

– Исполняющий обязанности командира четвертого батальона, лейтенант Колчак Александр Васильевич.

– Исполняющий обязанности командира шестнадцатой роты, мичман Витгефт Владимир Вильгельмович.

– Ну что же, господа офицеры, вот и познакомились! Еще раз поздравляю с успешным зачислением в учебный состав, а сейчас... – я выразительно посмотрел на Слона, – Сергей Александрович, исполни, будь добр, нашу, специальную.

Слон пожал плечами.

– Как пожелаете Александр Владимирович...

Затем он взял у Кости гитару. Провел пальцами по струнам, чуть подкрутил колки, потом поднял голову.

– Господа офицеры, посвящается всем, кто сражается за Родину, то есть нам с вами! – потом ударил по струнам и господа офицеры замерли.

Здесь птицы не поют,

Деревья не растут,

И только мы, к плечу плечо

Врастаем в землю тут.

...

Горит и кружится планета,

Над нашей Родиной дым,

И значит, нам нужна одна победа,

Одна на всех – мы за ценой не постоим.

Одна на всех – мы за ценой не постоим.

...

На припеве голос старшего лейтенанта взлетел вверх, и я почувствовал, как у меня у самого по телу побежали мурашки.

...

Нас ждет огонь смертельный,

И все ж бессилен он.

Сомненья прочь, уходит в ночь отдельный,

Десятый наш десантный батальон.

Десятый наш десантный батальон.

...

Лишь только бой угас,

Звучит другой приказ,

И почтальон сойдет с ума,

Разыскивая нас.

...

Когда-нибудь мы вспомним это,

И не поверится самим.

А нынче нам нужна одна победа,

Одна на всех – мы за ценой не постоим.

Одна на всех – мы за ценой не постоим.

Стих последний аккорд – и в наступившей тишине, Слон отложил гитару в сторону. После некоторой паузы, заполненной гробовой тишиной, офицеры разразились бурными аплодисментами.

Я подмигнул Слону.

– Господа офицеры, как командир бригады предлагаю сделать эту песню, написанную будто про нас, нашим официальным бригадным гимном.

От входа в палатку раздалось деликатное покашливание. Я поднял глаза и увидел стоящего на пороге отца Спиридона.

– И кто же автор сей замечательной песни? – батюшка бесшумными шагами вошел внутрь. – О нет, в ней нет ничего предосудительного, даже наоборот. Но просто любопытно.

Я пожал плечами.

– Ну и что с того, что автора еще нет среди живущих? Это делает ее хуже?

– Совсем нет, но... – смутился отец Спиридон.

– Отче, не продолжить ли нам дискуссию у меня в палатке? – я показал на выход. – По-моему, так будет лучше.

Отец Спиридон кивнул.

– Думаю, Александр Владимирович, вы правы. Господа, попрошу нас извинить, но мы с господином подполковником уединимся для более содержательной беседы. Я понимаю ваши чувства от зачисления в штат, но не забывайте, что сей день посвящен страданиям Господа нашего Иисуса Христа на кресте...

Произнеся эти слова, батюшка широко перекрестился и вышел из штабной палатки. Козырнув на прощание офицерам, я последовал за ним.

* * *

Там же пятнадцать минут спустя, палатка командира бригады.

Подполковник Новиков Александр Владимирович.

Я откинул в сторону полог палатки, и указал рукой на единственный стул.

– Проходите, отче, садитесь. Что будете пить, чай или водку?

Батюшка аккуратно устроился на хлипком походном стульчике.

– Отчего ж, Александр Владимирович, такой, не побоюсь сказать, радикальный выбор? И если вы предлагаете мне чай, то отчего же я не вижу здесь самовара?

Я сел напротив него, прямо на узкую койку.

– Ну, отче, мне казалось, что термос уже изобретен, простая ведь вещь. Вот водка, – с этими словами я вытащил из-под кровати непечатую бутылку, потом указал на стоящий посреди стола термос, – а вот чай. Ну-с, отец Спиридон, выбирайте?

– Грешен я насчет водочки, – склонил голову отец Спиридон, – каюсь, а посему воздержусь. Поглядим, что за чай в этом вашем термосе...

– Изыди, сатана! – отправил я бутылку беленькой обратно под койку. – А я вот сам, отче, небольшой любитель этого дела, только по чуть-чуть и под настроение.

– Под настроение, конечно, можно, – отец Спиридон принял стакан с горячим чаем. – Но...

– Сейчас не тот случай, – подхватил я, – слушаю вас, отец Спиридон...

Батюшка отхлебнул горячего чаю и поморщился.

– Крепкий, зараза, прости Господи, и как вы эдакое пьете? А вообще, Александр Владимирович, это я вас слушаю. Любопытно мне, кто вы и что вы. Да еще замысел Господень понять хочу. Чего он добивался, приводя вас в наш мир? Только ли разгрома японского флота, или цель ваша куда шире?

– Да, батюшка, вопрос философский, его под другой напиток обсуждать надо. Но попробую. Так сказать, как участник и очевидец. Замысел божий обсуждать не буду, поскольку не знаю, да и негоже. Вообще, святой отец, кто этого не видел, тот не поймет. Общее ощущение от обстановки в две тысячи семнадцатом году – это тупик. Добротный такой тупик истории, из которого ни вправо, ни влево, ни вперед, ни назад, а мутная жижа поднимается все выше – и вот-вот захлестнет всех с головой. Подробней, если пожелаете, поговорите на эту тему с Павлом Павловичем Одинцовым, он-то непосредственно политикой занимался. А моя специальность, знаете ли, служить России и убивать ее врагов. Что и буду делать, невзирая на то, какой год на дворе. А сделать тут можно многое. Мы, отец Спиридон, не просто имеем большой, да и лучший опыт в военном деле. Мы еще и мыслим по-другому – быстрее и более рационально. И задача нашей бригады – не просто создать более совершенную боевую единицу, с помощью которой можно выиграть одно или два сражения. Нет, я думаю, главное – привить господам офицерам образ мышления, при котором они будут выбирать место и время сражения и побеждать через то, что навяжут противнику свою волю. Вы еще не знаете, но среди наших офицеров есть люди, про которых мы точно знаем, что они обладают особыми военными талантами. А также некоторое количество способной молодежи, про которую мы не знаем ничего, кроме того, что они погибли на этой войне. Как любит говаривать гауптман Слон – аллес капут! Это в том смысле, что любой из таких «условных» покойников может обладать неизвестными нам талантами. Господа офицеры больше не будут руководить огнем стрелковой цепи, стоя в рост или привстав на одно колено. Скольких юных прапорщиков и подпоручиков унесли вражеские пули из-за бессмысленной бравады? Вы в курсе, что наши крейсера задержали в Восточно-Китайском море пароход, на котором в Корею плыли британские

охотники на людей, снайперы. Их основной жертвой как раз и стали бы наши русские молодые офицеры. Вот так-то, отче, не все так просто... – Я одним глотком допил остывший чай,. – Еще?

– Да, пожалуй, – отец Спиридон пододвинул мне свой стакан. – И все-таки во всем в этом должен быть какой-то высший замысел...

– Я же сказал, отец Спиридон, обращайтесь к товарищу Одинцову, он подробнее расскажет вам о смыслах происходящего. Я же могу сказать только то, что думаю сам. Россию надо увести с ее гибельного пути в двадцатом веке. Ну, не допустить противоестественного союза с Англией, аккуратно отодвинуться от предательницы Франции, но и с жадиной Германией тоже в законный брак не вступать. И выигрывать все войны, и после каждой войны усиливаться, невзирая на вопли европейских «партнеров». Ибо вся эта Европа – сплошное предательство, грязь и мерзость, Содом и Гоморра. Вот вы, священник, что вы скажете про такое явление, как «однополоый брак»? Вот оно, будущее мира, если мы потерпим неудачу – содомиты, захватившие власть в сильнейшей стране мира. Тогда вернутся самые мрачные времена языческой римской империи. А вы говорите: «какой замысел?»... Замысел, скорее всего, прост – попробовать с нашей помощью сделать все иначе. А остальное – сплошная метафизика, в которой я не силен, увы.

– Понятно, – отец Спиридон посмотрел мне в глаза, – а вы-то сами что думаете?

– А я, отче, не думаю. Я просто порву любого, кто попытается причинить вред России. Хоть революционера Ульянова, хоть американского банкира Якоба Шиффа. Неважно! Сделал зло моей Родине, дал денег или оружия ее врагам – умри и не жалуйся на судьбу. А то много таких, гадящих из-за угла. Пусть знают, что эта профессия стала смертельно опасной. Вам же, батюшка, предстоит с нами идти до конца, так что готовьтесь. В том числе к истязанию тела через физические упражнения. Бойца я из вас делать не собираюсь, но вот пятидесятиверстные марш-броски вы должны будете совершать вместе с бригадой. Ибо вы нужны будете мне там, на поле боя. И не пугайтесь, у нас впереди еще полтора месяца, за это время вы как раз придете в форму. Ну а в бою...

– В бою все в руке божией, – отец Спиридон широко перекрестился, – захочет – возьмет мою жизнь, не захочет – нет. И негоже мне увиливать, коли надо для дела.

Я усмехнулся.

– Да, батюшка, сделаем мы еще из вас настоящего военного капеллана. Это ваши коллеги в двадцать первом веке, когда после гонений возрождали Русскую Православную церковь, задумали по образцу армий европейских ввести в армии офицеров-священников. Кажется, для этого даже создали специальную военную семинарию. Но до нас это новшество дойти не успело. Видите ли, наш солдат будет уважать вас еще больше, а проповеди слушать внимательнее, если увидит, что вы делаете все тоже, что и он, только не берете в руки оружия. Может, вам тогда и нас, закореневших в безверии, удастся привести в лоно церкви...

– Так что же, вы совсем не верите в Создателя? – отшатнулся отец Спиридон.

– Кто вам сказал? Верю, конечно! Только вера моя, по духу оставаясь православной, в своих деталях настолько неортодоксальна, что этот вопрос даже не стоит обсуждать. А вы пока свое внимание обратите на работающих на базе корейских женщин. Насколько я помню историю, эта нация готова воспринять новую веру, и те корейцы, что жили среди русских, в конце концов восприняли православие. А конкретно эти люди, после всего пережитого сторицей вознаградят даже минимальные ваши усилия. А сейчас попрошу оставить меня, ибо час поздний, а у вас и у меня завтра будет тяжелый день.

Отец Спиридон встал.

– Спокойной вам ночи, Александр Владимирович, и спасибо вам за содержательный разговор. Надеюсь, что он не последний. А сейчас откланиваюсь до завтра.

Отец Спиридон ушел, а я все думал, не сказал ли я чего лишнего. Нет, больше никогда не буду вести серьезных разговоров, когда глаза слипаются и жутко хочется спать. Но что сделано, того не изменишь и вылетевших слов не воротить. Аминь!

* * *

27 марта 1904 года 05:45 по местному времени. Желтое море, 37 гр. СШ, 126 гр. ВД.

БПК Адмирал Трибуц

Капитан первого ранга Карпенко Сергей Сергеевич

Из тяжелого предутреннего сна меня вырвал вызов по внутренней связи:

- Товарищ капитан первого ранга, неопознанные цели на радаре прямо по курсу!

Первая мысль, спросонья проскочившая в голове, была: «Ой, мля! Лишь бы не англичане, рановато нам еще бодаться с Владычицей Морей!»

Это были мысли, а вслух я на автомате задал вопрос:

- Что за цели, на какой дистанции, в каком количестве?

- В настоящий момент дистанция до головного двести пятьдесят два кабельтова, три крупных цели водоизмещением в три-четыре тысячи тонн и восемь мелких целей по сто пятьдесят-двести тонн. Капитан третьего ранга Бондарь предполагает группу из четырех старых японских крейсеров и восьми миноносцев, - ответила рубка.

- А не англичане?! - недоверчиво переспросил я. - Ну, да, он же у нас эксперт. Почти. Буду у вас через десять минут. А пока объявляйте тревогу и предупредите «Аскольд».

- Так точно! Есть объявить тревогу и предупредить «Аскольд»!

Рубка отключилась.

Вот ведь - устал я за этот рейд больше, чем за все свои предыдущие походы вместе взятые. Даже наш бросок к Порт-Артуру две недели назад по сравнению с этим рейдом казался легкой прогулкой. Там мы ломались через японские воды как слон через огород, рядом была огневая мощь «Быстрого», а в абордажах участвовала целая рота настоящей морской пехоты. Кроме того, нас тогда

совершенно никто не ждал, и мы всегда оказывались для противника крайне неприятным сюрпризом. Да и призов мы тогда захватили в два раза меньше, а огневая мощь у нас была больше... Увы, в этом походе, особенно сейчас, у меня было ощущение, что я тащу к поезду кучу чемоданов, которые совершенно невозможно бросить, а помогает мне пара великовозрастных увальней, у которых все валится из рук. И вот эта долбаная засада... Пока все эти мысли прокручивались в голове, я быстро оделся и почти бегом направился в рубку.

Ознакомившись с обстановкой, я первым делом вышел на связь с «Аскольдом». Капитан первого ранга Рейценштейн был уже в боевой рубке.

– Николай Карлович, наблюдаем четыре крупных и восемь мелких целей. Крупными целями предположительно являются японские бронепалубные крейсера типа «Мацусима» и еще один из крейсеров шестого отряда, возможно «Чиода». Мелкие цели очень похожи на два отряда номерных миноносцев, каждый по четыре единицы.

– Сергей Сергеевич, вы уверены? – недоверчиво переспросил Рейценштейн.

– Абсолютно точно, – ответил я, – в Желтом море больше ни у кого нет четырех крейсеров по три-четыре тысячи тонн, не говоря уже о таких мелких миноносцах, только у японцев. Так что считайте, что рандеву нам назначил лично мистер Катаока.

– Но как они узнали? – недоумевал Рейценштейн.

Ну вот тебе и наивный риторический вопрос...

– Николай Карлович, вы в Артур, в штаб флота радиogramмы посылали? Посылали! Помните, я вам говорил, что парочка японских или британских шпионов (что одно и то же) при штабе точно есть, а вы мне не верили. Вот вам и результат. О действиях «Трибуца» вы им не сообщали, вот вражеский агент и уверен, что все наворотили «Аскольд» с «Новиком». А при виде столь превосходящих сил вы, по их расчетам, или должны спасаться бегством, бросив транспорта, или в неравном бою повторить судьбу «Варяга». Ибо по количеству артиллерийских стволов японцы превосходят вас обоих как минимум втрое. О нашем присутствии они и не подозревают, иначе бы сидели себе в Чемульпо, дрожали и боялись. Только не надейтесь, что, поняв с кем связались, они

обратятся в бегство – нет, это будет для них несмыслаемым позором. Николай Карлович, какие у вас соображения по поводу предстоящего боя? Давайте быстро все обсудим, ибо уже минут через десять надо начинать действовать.

– Сергей Сергеевич, бросить транспорты невозможно, – отрезал Рейценштейн.

– Понятно, Николай Карлович! – ответил я. – Кажется, это как раз тот самый случай, когда «во избежание тяжелых потерь»... – А сам подумал: «Только вот «Шквалы» и «Раструбы» мы на эту мелочь тратить не будем, не про их честь товар. Обойдемся средствами попроще...»

– У вас есть какой-то план? – переспросил Рейценштейн.

Я быстренько прикинул, что, конечно, в моем распоряжении есть недорогой лом, которым можно к черту раскурочить японские крейсера. Это глубинные бомбы от РБУ-6000, если их поставить на минимальную глубину в шесть метров. Но вот для этого надо сблизиться с противником на тридцать кабельтовых, а дальнобойность британских двадцатимиллиметровок – что на «Мацусимах», что на «Чиоде» – пятьдесят кабельтовых. Незадача! Если бы дело было ночью или в тумане... Лучше в тумане, тогда не видно вспышек выстрелов из орудий и трасс бомб. Искусственный туман – это дым. Кажется, перед походом на «Новик» с «Быстрого» перегрузили два десятка дымовых шашек для постановки дымзавес. Да и слово «шашки» плохо подходит к этим изделиям больше всего напоминающим двухсотлитровую бочку из-под ГСМ. Вот и готов план...

– Да, есть! Только вот подключите к нашему разговору «Новика» и Николая Оттовича Эссена, да побыстрее, пожалуйста, времени у нас почти не осталось.

– Здесь Эссен! – раздалось в эфире через пару минут.

– Николай Оттович, – откликнулся я, – у вас на борту должны быть такие большие зеленые бочки, которые вам погрузили с «Быстрого»...

– Да, имеются. Я узнавал, это для постановки дымовой завесы, – ответил Эссен.

– Тогда, господа офицеры, план такой. Сейчас «Новик» немедленно выходит из строя и начинает разгоняться до своих полных двадцати пяти узлов, обгоняя

наш кильватер слева. По моей команде, Николай Оттович, закладываете правую циркуляцию и начинаете ставить дымовую завесу поперек курса японского отряда. Задействуйте по пять штук за раз – так будет надежнее.

– А что потом? – хмыкнул Рейценштейн.

– А потом японские комендоры из-за дыма потеряют цели, а огонь «Аскольда» и «Новика» будет корректироваться с «Трибуца». Таким образом, нам плюс, а им минус, но и это еще не все. У нас есть одно очень мощное оружие, которое будет как раз кстати в данном случае, но что бы его применить, надо будет сблизиться с противником на тридцать-двадцать кабельтовых. Учитывая нашу безбронность, лучше это все делать, когда они нас совершенно не видят. Ну а так устроим японцам такую баню, что мало не покажется... При должном везении Катаока «Трибуц» вообще не заметит.

– Не очень-то и понятно, Сергей Сергеевич, но другого выхода нет, – замаявшись, ответил Рейценштейн. – Попробуем сделать по-вашему, а иначе, вы правильно заметили, это будет еще один «Варяг». Начинай, Николай Оттович!

«Новик» выкатился из строя и, набирая скорость, стал забирать влево. Предельно функциональный стальной клин, детище сумрачного германского гения инженеров с штеттинской верфи «Вулкан». Густой дым, низко стелящийся из трех труб, и белопенный бурун под носом. Как там было сказано – пух и прах, прах и пепел. Пока мы разговаривали, дистанция до противника сократилась до ста пятидесяти кабельтовых и появилась возможность визуально разглядеть головные корабли противника. С высокой долей вероятности мателотом японского отряда был бронепалубный крейсер «Икицусима», флагманский корабль вице-адмирала Катаока. «Ах какой хороший, сам пришел...» – вспомнил я отрывок из какого-то анекдота. Ну не Камимура оказался вторым номером в списке героически погибших японских адмиралов, а Катаока – ну и что с того? А торчащая вперед трехсот двадцатимиллиметровая дура с выдающейся скорострельностью в один выстрел в час, вообще сводит риск «Новика» к минимуму. Тем более что ни одна из трех Сим из своего главного калибра за все время службы ни во что так и не попала.

Ну, началось! Забравший влево почти на милю, Новик заложил крутую правую циркуляцию, как раз в эссенском духе, и к черному дыму из труб добавились густые белые клубы из дымовых шашек. Все, густой дымный занавес стал перечеркивать море. Ветер подхватил дым и повлек его в сторону японских

кораблей. Если даже нас и заметили, то через пару минут это будет абсолютно неважно в густой дымной пелене. Кроме того, пришло в голову, что японский отряд управляется ратьеровскими фонарями и сигнальными флагами, а в густой дымной пелене это совершенно невозможно. А «Новик», заложив на этот раз левую циркуляцию, пошел ставить вторую часть дымовой завесы – на этот раз вдоль японского кильватера, загоня Катаоку в дымный мешок. Ну вот и все, время вышло. Мы с разгона врезаемся в сплошную дымную муть. До рубежа открытия огня остается всего пара минут. В БИУС уже введены характеристики целей и установки взрывателей на бомбах. С другой стороны, артиллеристы внимательно следят за японскими миноносцами, пытающимися по широкой дуге обойти сближающиеся на контркурсах русские и японские крейсера и прорваться к транспортам. Но «Новик» уже закончил ставить дымовую завесу и направился в ту сторону – а это настоящая гроза японских миноносцев, поэтому артиллеристов тоже переключаю на основную цель.

С оглушительным ревом к флагманскому японскому крейсеру уходят реактивные бомбы. В эту какофонию вплетается сплошной грохот наших стомиллиметровых орудий. Две с половиной минуты, шесть бомб и восемьдесят фугасных снарядов. Туда же по нашей наводке бьет «Аскольд». Потом вооружение наводится на следующую цель, а вокруг Икицусимы воцаряется настоящий ад. Радар засекает четыре огромных водяных столба, вставших впритирку к борту обреченного японского флагмана, и множество всплесков помельче. Четыре всплеска – а бомб было шесть; это что, значит, два прямых попадания?! Оглушительный грохот, докатившийся до нас – и японский крейсер исчезает с экрана радара. Явно тонкая душа японской шимозы не выдержала нашей грубости и взорвалась в приступе гнева. А бомбы уже идут на второй крейсер, после чего установка встанет на несколько минут на перезарядку. Но у нас нет возможности рассмотреть, что там творится, и мы переходим к следующему номеру нашей программы – к «Чиоде». Бомбы уходят, и... ни одного прямого попадания, зато два близких разрыва почти под самым бортом. Дымовая завеса редет и нужно успеть отработать по «Мацусиме» прежде, чем дым окончательно рассеется и наступит полная ясность. Успели – пять близких разрывов реактивных бомб и одно прямое попадание. Ну и артиллеристы добавили свои пять копеек. Выскакиваем из дымовой завесы и оглядываемся – картина маслом! «Мацусима» пылает от носа и до кормы, а «Аскольд», уже по-зрячему, всаживает в него снаряд за снарядом. Наши тренировки в этом походе не прошли даром. Только вот то, что не все снаряды рвутся, составляет определенную проблему. Но вопрос затапывания японского крейсера в пучину – это вопрос времени, а не огневой мощи или везения. Чуть дальше «Чиода» быстро кренится на левый борт, и кажется – вот-вот случится оверкиль. Похоже, те две бомбы, что

взорвались у нее вплотную с бортом, основательно порвали подводную обшивку, и теперь мы имеем мини-титаник. Крен уже такой, что ни о какой стрельбе из орудий не может быть и речи. Стволы одного борта смотрят в воду, а другого – в небо. На «Мацусиме» сильнейший пожар полыхал там, где должна быть дымовая труба, а вот самой трубы не наблюдалось. Ход упал до каких-то пяти узлов, а из клубов черного, как уголь, дыма торчала только единственная мачта с боевыми фор-марсами. А что там поделывают японские миноносцы? Раз, два, три, четыре, пять... все! Эссен там с ними не шутки шутит; но шустрые, гады – уворачиваются и рвутся к транспортам. А вот это они зря! Драпали бы в свой Чемульпо – мы бы и пальцем не шевельнули, а теперь извиняй, если что...

«Трибуц» закладывает крутую циркуляцию, нацеливаясь носом на японские миноносцы. Дистанция, запредельная для местных, но вполне приемлемая для нас, тем более что «Новик» дотоптал последний миноносец из первого отряда и теперь разворачивается наперерез головному кораблю второго отряда. Теперь прямой путь к транспортам японцам закрыт и образовалась классическая картина «в два огня». Японцы бросаются врассыпную, и в море наблюдается настоящая «куча-мала». Причем бросаются они не наутек, а по-прежнему к конвоируемым транспортам. Ну вот хрен вам! Испытанное средство – зенитные над палубой, фугасные на контакт. Очереди по десять снарядов каждого вида накрывает тот миноносец, к которому явно не успевает «Новик». Кап-три Бондарь, как всегда, виртуоз и ювелир. Накрытие! Вздымаются водяные столбы, вспышки зенитных снарядов, бледные в свете дня, шапкой накрывают злосчастный миноносец. Летят во все стороны обломки от пары прямых попаданий, струи дыма из труб вдруг превращаются в жирную кляксу, и из черного облака, ковыляя, выползает нечто весьма отдаленно напоминающее боевой корабль. Еще одна очередь – и два последних японских миноносца с минимальными повреждениями бросаются в сторону Чемульпо. Пусть бегут; из реактивного бомбомета мы стреляли из центра дымовой завесы, так что они могли видеть не саму стрельбу, а только ее результат. А с пушками мы засветились еще у Порт-Артура. Было бы иначе – догнал бы и растоптал. Бог уберег от стрельбы по миноносцам «Кинжалом», а ведь был такой соблазн в самом начале. Пока «Новик» добивает подранков, наша помощь в этом деле ему не нужна; оглянемся и посмотрим, что там поделывает «Аскольд». А вот у Грамматчикова с Рейценштейном все в порядке – забытый «Хасидате» тонет и горит, а «Аскольд» прорезал японский кильватер, вклинившись между тонущей «Чиодой» и почти потерявшей ход «Мацусимой». Сейчас против восьми его шестидюймовок у «Мацусимы» только два погонных орудия в сто двадцать миллиметров, да и те, судя по той гряде металлолома, в которую превратилась ее носовая часть, совершенно небоеспособны. А дистанция абсолютно

пистолетная – кабельтова три, и русские комендоры безнаказанно посылают в японца снаряд за снарядом в беглом темпе, и, что самое удивительное – некоторые снаряды даже рвутся. Ну да, раз снаряды идут вдоль корпуса, даже самая тугая трубка успеет догореть и инициировать подрыв снаряда. Короче, к этому котенку тоже пришел песок. «Мацусима» так и ушел носом под воду, не сумев даже развернуться к «Аскольду» бортом, чтобы огрызнуться напоследок.

И наступила тишина. Как там у Лермонтова? «Тогда считать мы стали раны, товарищей павших считать...» Примерно так. Результат: Потоплено четыре японских крейсера (правда, устаревших) и шесть миноносцев. «Аскольд» выпустил сто двадцать семь шестидюймовых снарядов и девяносто пять трехдюймовых, в ответ получил четыре попадания сто двадцать миллиметров и Бог знает сколько дырок от бронебойных диаметром в сорок семь миллиметров. Убито четыре матроса, ранен один офицер и восемь матросов. Точка. «Новик» отделался пятью трехдюймовыми надводными пробоинами и десятком сорокасесемимиллиметровых. Убитых нет, ранены трое. «Трибуц» повреждений и потерь в личном составе не имеет. О чем и было доложено на Элиоты, а также, минуя штаб флота, Макарову с Алексеевым, которые на «Петропавловске» переместились на внешний рейд Порт-Артура. К докладу были добавлены мои матюги по поводу необходимости чистки шпионских авгиевых конюшен в Порт-Артуре. Шутки шутками, но попались бы так только «Аскольд» с «Новиком» – избили бы их как отбивную...

* * *

27 марта 1904 года 11:55 по местному времени. острова Эллиота, БДК «Николай Вилков»

Писатель и журналист, Джон Гриффит Чейни, он же Джек Лондон.

Она каждый день ищет встречи со мной. Увидев меня, улыбается, и мне кажется, что она больше никому так не улыбается – да нет, я просто уверен в этом. Удивительно, как меняется при этом ее лицо. Вот только что оно было обычным – и вдруг чудесным образом преображается, словно тусклый и блеклый дагерротип вдруг обрел четкость и яркость цветного портрета.

Мы встречаемся на палубе; именно там, где привольно гуляет морской соленый ветер, я люблю предаваться раздумьям. Глядя на эту женщину, слушая ее голос,

старательно выговаривающий английские фразы, я вполне отчетливо представляю ее прошлую жизнь, полную душевных терзаний и личных трагедий, с которыми, впрочем, она справлялась вполне достойно. Эти переживания наложили отпечаток на ее лицо – но нет, не в виде морщинок и прочих возрастных проявлений. Что-то в глазах, в изломе бровей, в изгибе губ, в ее удивительной манере задумчиво хмуриться, когда она подбирает слова... Однако для моего опытного взора несомненно, что совсем недавно она пережила нечто наподобие внутреннего перерождения. И думаю, что не ошибусь, если предположу, что толчком к этому перерождению стало попадание в прошлое... Есть в ее открытости нечто такое, что свойственно человеку, который вышел на улицу после долгого вынужденного сидения дома – когда он словно заново знакомится с этим миром, с людьми, с самим собой в контексте всего окружающего... И это, несомненно, привлекает, как привлекает нас все живое и естественное, изменяющееся, полное тайн и загадок, находящееся в стадии своего бурного развития, исполненное незамутненной радости от полного сюрпризов бытия...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/markova_aleksandr/moment-pereloma

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)